

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 4 »
» 1 мѣсяцъ 2 »

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15⁰⁰ МАЯ 1882

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Отъ редакціи: объ изданіи «Вольнаго Слова». — 2) «Вольное Слово» и общество «Земскаго Союза и Самоуправленія». — 3) Сама себя раба бьетъ. — 4) По поводу еврейскаго вопроса. — 5) Записка графа Лорисъ-Меликова. — 6) Подвохи графа Игпатьяева. — 7) «Правительственный Вѣстникъ» о поднадзорныхъ. — 8) «Народная Воля» о централизациі революціонной борьбы въ Россіи, М. Драгоманова. — 9) Статистическое изслѣдованіе экономическаго положенія рабочихъ на С. Петербургскихъ заводахъ, Р. Григорьева. — 10) Вліяніе противуеврейскихъ безпорядковъ на евреевъ, М. — 11) Самопожираніе капиталовъ, Г — ева. — 12) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи, I. — 13) Хроника социально-экономической борьбы: Аграрный вопросъ въ Ирландіи.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Необходимость подольше останавливаться на разработкѣ вопросовъ внутренней политики побудила насъ увеличить объемъ изданія съ 1-го до 2-хъ печатныхъ листовъ; но, какъ въ то же время мы не имѣемъ возможности выпускать газету въ такомъ объемѣ еженедѣльно и безопасно доставлять ее въ Россію въ прежніе сроки, то, согласно съ желаніемъ нашихъ друзей въ Россіи, мы порѣшили:

1. Выпускать «Вольное Слово» въ объемѣ двухъ печатныхъ листовъ всего два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15 числа.

2. Увеличить плату за № съ 50 сант. на 1 франкъ.

Подписка принимается не больше, какъ на ТРИ мѣсяца, начиная съ 15-го мая, по 1-ое августа включительно.

Подписная цѣна:

На 3 мѣсяца. 5 фр.
» 2 » 4 »
» 1 мѣсяцъ. 2 »

Женева, 15 мая 1882 г.

Мы не были одни, когда приступили къ изданію за границей газеты, посвященной преимущественно разсмотрѣнію вопросовъ, относящихся до внутренней жизни разноплеменнаго населенія Россіи. Назвали мы свое изданіе «Вольнымъ Словомъ», имѣя въ виду открыть въ немъ доступъ голосамъ изъ Россіи, которые,

при нынѣшнихъ стѣснительныхъ условіяхъ для свободы рѣчи и печати внутри нашего отечества, не могли раздаваться въ общественныхъ собраніяхъ*) и вынуждены были замолкнуть на страницахъ газетъ и журналовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ мы приглашали всѣхъ, борющихся за дорогу для нихъ идею освобожденія отъ гнета абсолютизма и всеобъемлющей государственной власти, не исходящей изъ народа и народомъ не контролируемой, не разъединять своихъ еще слабыхъ силъ и въ видахъ единенія, согласованія путей, ведущихъ къ одной и той же цѣли, высказать свои взгляды на способъ веденія борьбы и разрѣшенія настоятельнѣйшихъ и исполнимыхъ по условіямъ мѣста и времени соціально-политическихъ задачъ. Нѣкоторые и не принадлежащіе къ нашимъ друзьямъ и единомышленникамъ, откликнулись на нашъ призывъ, другіе оказали незабываемую, для успѣха преслѣдуемаго нами дѣла, услугу постояннымъ сотрудничествомъ въ нашей газетѣ или указаніемъ намъ на тѣ умственные силы, къ которымъ мы могли бы обратиться за сочувственнымъ содѣйствіемъ. Съ своей стороны, давая мѣсто въ нашемъ изданіи разнообразнымъ мнѣніямъ и взглядамъ изъ чужаго лагеря, помѣщая даже письма «простыхъ людей» изъ среды родственныхъ намъ племенъ Балканскаго полуострова, изстрадавшихъ подъ гнетомъ насилія чужеземныхъ правительствъ и съ отчаяніемъ бросившихся наконецъ въ открытое возстаніе противъ врага несравненно сильнѣйшаго, помѣщая письма этихъ людей со всею наивностію ихъ чаяній заступничества со стороны сильныхъ міра сего, коронованныхъ державцевъ и державныхъ прислужниковъ, мы откровенно

*) Теперь уже не секретъ, что постановленія многихъ земствъ по вопросу о переустройствѣ мѣстнаго управленія опротестованы губернаторами и не допущены на разсмотрѣніе высшаго правительства.

высказывали и свой взглядъ. Особенно долго останавливались мы на приѣмахъ борьбы, усвоенныхъ дѣйствующими революціонными группами, предостерегая ихъ отъ увлеченія односторонностію, ошибочно принимаемою ими за сосредоточеніе боевой силы, и такими приѣмами, которые возмущаютъ общественное мнѣніе или идутъ прямо въ разрѣзъ съ понятіями о народной свободѣ и самоуправленіи; не разъ высказывали мы также, что въ концѣ концовъ побѣждаетъ принципъ, и, когда видѣли, что принципъ приносился въ жертву достиженію ближайшихъ цѣлей, которыя однѣ только и производили впечатлѣніе на сознательную и несознательную часть общества, и при томъ впечатлѣніе далеко не ободряющаго, а рѣшительно угнетающаго свойства, тогда, не смотря ни на какую энергію и героичность поступка, мы не признавали за нимъ ни цѣлесообразности, ни права на повтореніе, а тѣмъ паче на возведеніе въ систему. Можетъ быть, съ недостаточнымъ для публициста соблюденіемъ мѣры, но съ полною искренностію, мы старались выяснить предосудительность поведенія, чтобы не сказать болѣе, тѣхъ изъ свободныхъ мыслителей русской эмиграціи, которые, когда-то и кое какъ принявъ участіе въ зачинавшемся на русской почвѣ освободительномъ движеніи, впоследствии сошли съ арены активной борьбы, разгорѣвшейся до ужасовъ смерти только въ сравнительно недавнее время, и тѣмъ не менѣе, не рискуя ни однимъ волосомъ съ головъ своихъ, потрясаютъ теперь въ полной безопасности знаменемъ кроваваго террора и приглашаютъ всѣхъ борцовъ за народное освобожденіе собираться подъ этимъ знаменемъ, другими словами, — приглашаютъ дѣйствительныхъ друзей народа идти на казнь, оставляя себѣ благоую часть провозглашенія въ кофейняхъ и

ресторанахъ поминальныхъ тостовъ въ честь казенныхъ мучениковъ.

Не можемъ не упомянуть, что, широко примѣняя принципъ свободы мнѣнія, который мы не разъ ставили выше интересовъ нашего собственного изданія, мы, къ немалому изумленію и съ глубокимъ чувствомъ горечи, на первыхъ же порахъ встрѣтили крайнюю нетерпимость къ намъ самимъ и при томъ съ той стороны, откуда менѣе всего слѣдовало бы ожидать протестовъ противъ свободы слова, именно со стороны нѣкоторыхъ эмиграционныхъ русскихъ изданій*), которыя въ своей нетерпимости дошли даже до клеветы на личный составъ Редакціи, прикрываясь какими то слухами, кѣмъ-то распространяемыми на нашъ счетъ за границей и въ Россіи, и не имѣя въ то же время ни малѣйшаго понятія ни о нашихъ друзьяхъ и единомышленникахъ, ни о дѣйствительно освободительномъ движеніи, укрѣпляющемся и развивающемся въ Россіи на такой именно почвѣ, гдѣ оно единственно можетъ стать плодотворнымъ, т. е. на почвѣ мѣстныхъ интересовъ и въ области земскаго союза и самоуправления.

На такой основѣ образовалась и группа, которая положила начало изданію нашей газеты и которая за тѣмъ рѣшила образовать изъ раздѣляющихъ ея начала элементовъ «Общество Земскаго Союза и Самоуправленія».

По совокупности разныхъ обстоятельствъ, мы могли выступить съ подробною программой только въ концѣ прошлаго года (см. №№ «В. Сл.» за декабрь 1881 г.). Около этого же времени стали образовываться въ Россіи исполнительные органы нашей группы, о которыхъ, по весьма понятнымъ причинамъ, мы распространяться не станемъ, но съ которыми сочувствующіе дѣлу земскаго союза и самоуправления могутъ сносятся на мѣстѣ черезъ посредство делегатовъ «Общества Земскаго Союза и Самоуправленія», и за границей — черезъ посредство редакціи «Вольнаго Слова».

Наша программа дѣйствія, in extenso помѣщаемая ниже, мотивирована слѣдующими соображеніями:

1. Несоостоятельность капиталистическаго строя обезпечить каждому трудящемуся свободу занятій и развитія сильно ощущается также и въ Россіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ об-

щая производительность въ ней труда, взятая даже не въ цѣломъ по имперіи, а отдѣльно по областямъ, за исключеніемъ весьма немногихъ мѣстностей, до того еще слаба, что обращеніе въ коллективную собственность даже всей обрабатываемой земли и всѣхъ крупныхъ орудій производства не могло бы породить общаго благосостоянія, такъ какъ доля каждаго въ общей суммѣ ежегодно производимыхъ продуктовъ, при поголовномъ раздѣлѣ послѣднихъ между всѣми трудящимися, оказалась бы недостаточною для удовлетворенія потребностей средняго рабочаго цивилизованныхъ странъ. Въ Россіи, чтобы разжиться не достаточно заѣдать чужой трудъ, который самъ по себѣ еще мало производителенъ, но необходимо еще оградиться отъ конкуренціи, внутренней и иноземной, необходимо получить привилегію на злоупотребленіе силою капитала и даже просто на веденіе предпріятія. Въ Россіи всѣ сколько нибудь значительные капиталисты народились и благоденствуютъ, не столько благодаря защитѣ закономъ права личной собственности, въ сущности, и въ особенности сравнительно съ западно-европейскими государствами, весьма слабо охраняемаго, сколько по милости правительственныхъ заказовъ, гарантій, концессій, охранительныхъ тарифовъ, принудительныхъ работъ за недомки, преслѣдованія стачекъ и вѣками длившейся растраты государственнаго достоинства во всевозможныхъ видахъ. Мелкія сонки шли по слѣдамъ державныхъ пахарей и до того разрыли почву хищенія, что нѣтъ болѣе ни одного уголка въ имперіи, гдѣ бы рядомъ съ нищетою и на счетъ нищеты не процвѣтало кулачество. Последнее возникло и развилось до настоящей извы, заѣдающей мужицкую жизнь въ деревняхъ, подъ прямымъ вліяніемъ нигдѣ въ цивилизованномъ мірѣ не существующаго порядка обезпеченія «правильности (?) поступленія въ казну» прямыхъ налоговъ круговою порукою и непосредственно связанною съ этимъ порядкомъ паспортною системою. Отсюда вытекаетъ длинный рядъ злоупотребленій ближайшаго надъ крестьянствомъ начальства, не исключая и выборнаго, рядъ насилій надъ справедливостію, издѣвательство надъ нуждою, стѣсненіе свободы передвиженія, столь необходимой для пріисканія занятій и усиленія производительности труда, даже просто для урегулированія отношеній между спросомъ и предложеніемъ работы. Если ко всему сказанному прибавить тотъ фактъ, что обложеніе податями и повинностями на т. н. обязательные и необязательные расходы и на общественныя нужды въ большинствѣ мѣстностей превышаетъ платежную способ-

ность населенія при нынѣшнемъ состояніи производительности страны, то станетъ яснымъ до очевидности:

во первыхъ, что захватомъ частной земельной собственности и обращеніемъ ея въ коллективную достигнется въ настоящее время не повышеніе уровня общаго благосостоянія, а лишь передача земельной ренты изъ рукъ частныхъ лицъ въ руки правительства, которое, оставаясь тѣмъ же, чѣмъ оно есть въ настоящее время, вѣроятно, не замедлитъ еще болѣе увеличить потребности на собственное свое содержаніе; то же можно сказать и относительно капиталовъ, употребленныхъ въ дѣло фабричное или заводское;

во вторыхъ, что самымъ крупнымъ и единственно организованнымъ капиталистомъ въ Россіи, настоящимъ хозяиномъ въ экономическомъ смыслѣ, распорядителемъ труда и производительности является то же правительство, съ сонмомъ своихъ прислужниковъ всякаго званія и состоянія, оперирующее на народныя средства и истощающее страну расхищеніемъ ея естественныхъ богатствъ и непосильными для населенія поборами.

2. Въ Россіи вовсе нѣтъ правящихъ классовъ, хотя и есть такъ называемые привилегированные классы. Екатерининская попытка образовать такой классъ изъ крѣпостническаго дворянства, выдѣливъ въ то же время города въ самостоятельные сословные круги, управляемые своими выборными съ участіемъ и подъ опекою чиновниковъ, а государственныхъ крестьянъ и всякаго рода некрѣпостныхъ хлѣбопашцевъ подчинивъ управленію казенныхъ вѣдомствъ, роковымъ образомъ привела дворянъ только къ раззоренію ихъ собственныхъ и крестьянскихъ хозяйствъ на сословное представительство, къ интригамъ между собою и къ погонѣ въ запуски за іерархическими повышеніями, которыя достигались не столько талантами сенкателей, сколько случаевъ попасть въ милость, умѣніемъ прислужиться, угодить; иначе сказать: екатерининская попытка образовать изъ дворянъ правящее сословіе создала изъ нихъ не правителей, а слугъ правительства и существенно подорвала сословную связь между ними, потому что дворянство, выбранный на административную должность въ уѣздѣ, могъ проявлять свою власть только надъ дворянами, такъ какъ остальное населеніе уѣзда, поджавшее его вѣдѣнію, т. е. крѣпостные крестьяне, были значительно заслонены отъ его вліянія вѣчными правами помѣщиковъ. Общіе реформы и отдѣльныя законодательныя постановленія и правительственныя распоряженія прошлаго царствованія уничтожили самый призракъ правящаго класса въ сословныхъ

*) Упомянуть о полемикѣ нашей съ русскою дозволенною печатью мы считаемъ излишнимъ, такъ какъ публицисты въ Россіи не пользуются нашою свободою слова и потому вынуждены многое не договаривать.

правахъ дворянъ. Нѣкоторое значеніе предводителей дворянства, какъ председателей земскихъ собраний и другихъ мѣстныхъ учреждений не имѣетъ въ сущности сословнаго характера, потому что въ своихъ дѣйствіяхъ по уполномочию правительства, какъ выборный, такъ и назначаемый (въ сѣверо-и-юго-западномъ краѣ) верховною властью предводитель дворянства не отдаетъ отчета дворянамъ своей губерніи или уѣзда; верховная власть, очевидно, пользуется даровыми услугами предводителей, рассчитывая найти въ нихъ не столько защитниковъ интересовъ сословія, сколько вѣрныхъ слугъ престола, а потому и придерживается обыкновения отличать ихъ пожалованіемъ орденовъ и производствомъ въ чины, т. е. деморализировать въ нихъ чувство гражданской самостоятельности, и, когда веденная такимъ путемъ подготовка сословныхъ представителей къ служенію престолу, а не отечеству, признается достаточною, то перѣдко назначаетъ ихъ на высшія административныя должности въ губерніяхъ. Земскія учрежденія, на которыя въ началѣ ихъ дѣйствія многіе возлагали неумѣренные надежды, принимая ихъ за кадры народнаго представительства въ управленіи государственными дѣлами, также не могли образовать правящаго класса. Въ законѣ они называются учрежденіями общественными, а въ литературѣ ихъ принято называть всесловными. Но въ дѣйствительности они не соответствуютъ ни тому, ни другому названію, потому что личный составъ избирателей, гласныхъ и избирательныхъ органовъ нѣмѣнныхъ земствъ не представляетъ ни общества, ни сословія. Въ самомъ дѣлѣ: статьяи земскаго положенія объ избирателяхъ и избирателяхъ вовсе не опредѣляются степень образованности, не требуется даже умѣнія читать и писать, не смотря на то, что главная дѣятельность земствъ по закону состоитъ въ разрѣшеніи задачъ чисто техническаго свойства; слѣдовательно, упомянутыми статьяи не отводится никакого мѣста въ земствѣ образованнымъ людямъ, какъ таковымъ, между тѣмъ образованные люди составляютъ существенный элементъ т. н. общества и понятіе о послѣднемъ вовсе не мыслимо безъ представления о сознательной, т. е. болѣе или менѣе просвѣщенной или обученной какимъ либо знаніямъ, при помощи чтенія и письма, части народа. О всесловности нашихъ земскихъ учреждений такъ же мало можетъ быть рѣчи, какъ и объ ихъ общественности. По закону право избирать и быть избраннымъ обуславливается, за исключеніемъ нормальнаго возраста гражданской и политической правоспособности, однимъ только имуще-

ственнымъ цензомъ, выражаемымъ въ недвижимой собственности опредѣленнаго размѣра, а не стоимости, въ уѣздахъ. Такъ что участіе въ земствѣ различныхъ сословій есть явленіе случайное, и обезземеленіе ведетъ къ лишенію права на это участіе, хотя бы реализація недвижимой собственности и не имѣла послѣдствіемъ умаленія имущественной состоятельности лица. Только городскіе представители въ земствѣ имѣютъ нѣсколько иной характеръ, хотя и городское представительство, откуда уже исходитъ земскіе гласные отъ городовъ, поставлено въ условія, далеко не соответствующія требованіямъ всесловности и лишающія гласныхъ думы и ихъ избирателей значенія дѣйствительныхъ представителей городского общества. При такомъ порядкѣ состава земскихъ учреждений, эти послѣдніе представляютъ изъ себя элементъ крайне подвижной и мало связанный съ интересами мѣстности, особенно когда учащается переходъ недвижимой собственности изъ рукъ въ руки, или измѣнія частныхъ лицъ, имѣющихъ избирательный цензъ, обременяются долгами въ суммѣ близкой къ ихъ полной стоимости. Въ послѣднемъ случаѣ имѣніе, находящееся во владѣніи того или другаго лица, нисколько не обезпечиваетъ заинтересованности его владѣльца въ мѣстныхъ интересахъ, но лишь побуждаетъ такого владѣльца къ хищническому хозяйству и къ занятіямъ спекуляціей ради наживы на чужой, перѣдко общественный счетъ, въ явный ущербъ мѣстной производительности и мѣстнаго благоустройства. При чрезвычайномъ развитіи этого зла, развѣдающаго нашу общественную нравственность, въ средѣ, не принадлежащей къ народу въ тѣсномъ смыслѣ слова и въ то же время не составляющей дѣйствительно образованнаго общества, такъ какъ послѣднее ютится по преимуществу въ центрахъ, не имѣющихъ непосредственной связи съ землею—и домовладѣніемъ, тогда какъ недвижимая собственность изъ году въ годъ все болѣе и болѣе сосредоточивается въ рукахъ людей невѣжественныхъ и съ хищническими инстинктами, одни только крестьяне, какъ сословіе, представляютъ въ нашихъ нѣмѣнныхъ земствахъ элементъ прочно осѣдлый и дѣйствительно заинтересованный въ мѣстномъ благоустройствѣ. Но по закону, за исключеніемъ лишь немногихъ восточныхъ губерній, они составляютъ меньшинство въ земскомъ представительствѣ, разными неблагоприятными обстоятельствами и насильными властью изведенное на степень лишь пассивнаго участія въ земскомъ дѣлѣ. Перечислять эти обстоятельства и насилія не представляется надобности въ виду ихъ общезвѣстности, мы упомянемъ только, что лучшими изъ

земскихъ людей уже давно признана необходимость расширенія крестьянскаго представительства въ мѣстныхъ учрежденияхъ, потребность непосредственнаго съ крестьянами совѣта по дѣламъ внутренняго благоустройства и по вопросамъ даже чисто техническаго свойства—по той простой причинѣ, что предписываемое теоріей не всегда, и во всякомъ случаѣ лишь въ различной степени и далеко не однообразно, можетъ быть примѣнимо на практикѣ. Но и здѣсь, какъ и во всякомъ общественномъ дѣлѣ въ Россіи, является тормазомъ чуждая интересамъ мѣстностей всеобъемлющая государственная централизація, чуждая народу и отъ народа независимая, всюду проникающая правительственная власть.

Въ виду всего изложеннаго въ настоящемъ пунктѣ нельзя не придти къ заключенію, что возбужденіе такъ называемой на Западѣ классовой борьбы не могло бы имѣть въ настоящее время въ Россіи никакаго успѣха и было бы равносильно нападенію на вѣтряныя мельницы, такъ какъ никакихъ господствующихъ или правящихъ классовъ общество не выдѣлило изъ своей среды ни въ одной изъ областей имперіи. Такимъ классомъ единственно является чиновничество, т. е. полицейско-бюрократическая организація петербургскаго правительства. Въ мірѣ экономическомъ у насъ желателенъ былъ бы лишь одинъ видъ классовой борьбы, а именно организація труда съ цѣлью противодействія злоупотребленіямъ нарождающагося капитализма и развитіи собственной продуктивной силы труда въ формѣ усовершенствованія началъ артельнаго и общиннаго землевладѣнія тамъ, гдѣ оно существуетъ и признается народнымъ обычаемъ. Но не слѣдуетъ забывать, что именно это-то желательное и невозможно въ настоящее время, что наше нынѣшнее законодательство прямо воспрещаетъ свободу сообществъ, сходокъ и стачекъ, рѣшительно необходимыхъ для организаціи труда въ силу самостоятельнаго (а потому и единственно плодотворнаго) противодействія капиталу, и препятствуетъ развитію началъ артельнаго и общиннаго землевладѣнія давленіемъ администраціи на мѣстные органы самоуправленія и воспрещеніемъ всякой пропаганды, клонящейся къ ограниченію правъ индивидуальной собственности. Слѣдовательно, для успѣха веденія борьбы классовой въ области экономической жизни, необходимо прежде всего стать на твердую почву политической свободы.

За тѣмъ изъ сказаннаго нами вытекаетъ сама собою необходимость переустройства мѣстнаго самоуправленія на началахъ истинно народныхъ, т. е. на началахъ широкаго

участія народа въ тѣсномъ смыслѣ слова (крестьянства и мѣщанства) совместно съ образованными людьми всякаго званія и состоянія, какъ двухъ сторонъ, взаимно другъ друга пополюющихъ и образующихъ вмѣстѣ культурное цѣлое, — народъ въ полномъ смыслѣ. Потребность тѣснаго соединенія въ дѣлахъ общественныхъ и государственныхъ именно этихъ двухъ элементовъ, вопреки увѣреніямъ въ противномъ московскихъ славянофиловъ, за одно съ петербургскимъ правительствомъ *) не желающихъ пускать въ пародъ образованныхъ людей, покуда они не очистятся въ горнилахъ благонамѣренности, по образу и подобию Катковыхъ и Аксаковыхъ, принадлежать къ числу наиболѣе сознанныхъ всѣми потребностей времени. Но, при самыхъ благоприятныхъ для такого слиянія созидательныхъ силъ страны постановленіяхъ законодательства, нельзя ожидать существенныхъ успѣховъ для социальной жизни безъ высвобожденія общественной самостоятельности отъ гнета правительственной опеки или безъ огражденія ея отъ правительственнаго вмѣшательства, вопреки закону, установленіемъ повсемѣстно пароднаго контроля надъ дѣйствіями власти. Наконецъ, естественнымъ логическимъ выводомъ является разсредоточеніе государственнаго управленія по областямъ, оставляя въ вѣденіи центра лишь такія функціи, которыя необходимы для связи цѣлаго безъ угнетенія его частей.

3. Существуетъ мнѣніе, будто юридическія условія жизни одинаковы на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, по крайней мѣрѣ, въ европейской ея части. Мнѣніе это крайне ошибочно и было бы ошибочнымъ даже и тогда, если бы не существовало въ Сводѣ Законовъ «изыятій» для разныхъ мѣстностей и особыхъ «положеній», временныхъ или постоянныхъ, для управленія тѣмъ или другимъ краемъ, потому что для жизни и дѣятельности населенія получаетъ важность не столько писанный законъ, сколько возможность и способъ его примѣненія, не столько внѣшній государственный порядокъ, сколько внутреннія социальные условія. Послѣдніе же, равно какъ и такъ называемое дѣйствіе законовъ, далеко не одинаковы даже въ областяхъ, занимаемыхъ однимъ и тѣмъ же племенемъ. Такъ, напримѣръ, въ Архангельской губерніи нѣтъ иного землевладѣнія, кромѣ крестьянскаго и казеннаго, въ губерніяхъ Вятской и Пермской нѣтъ дворянскаго элемента въ земствѣ, въ губерніи Московской земледѣліе не представляется выгоднымъ занятіемъ для крестьянства, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ нижегородской губерніи, гдѣ особен-

но развиты кустарничьи и отхожіе промыслы, съ особенною силою выступаетъ на очередь вопросъ объ упроченіи существованія и дальнѣйшаго развитія артельного производства и т. д. Затѣмъ, мы видимъ, что въ Архангельской губерніи нѣтъ ни земскихъ учреждений, ни новыхъ судовъ, что въ Вологодской губерніи нѣтъ общихъ судебных мѣстъ по уставамъ 1864 г., такъ же, какъ и во всемъ сѣверо-западномъ краѣ; на лѣвомъ берегу Днѣпра, населенномъ украинскимъ народомъ, введены всѣ реформы прошлаго царствованія, тогда какъ Правобережная Украина до сихъ поръ лишена земскихъ учреждений, выборнаго мирового суда и суда присяжныхъ; на правомъ берегу Днѣпра населеніе жаждетъ земскихъ учреждений, а на Дону большинство гонитъ ихъ вопреки желанію меньшинства; тамъ же среди самого населенія идетъ борьба, нигдѣ въ иномъ мѣстѣ не существующая, между элементами военнымъ и гражданскимъ, между туземными казаками и пришлыми крестьянами; на всемъ югѣ и западѣ разгорается племенная вражда между евреями и кореннымъ населеніемъ, вовсе не имѣющая размѣровъ социальной и даже государственной важности въ центральныхъ, сѣверныхъ и восточныхъ областяхъ Россіи, и проч., и проч. Словомъ сказать, до такой степени многообразны условія, въ которыхъ дѣйствія и задачи власти поставлены въ отношеніи къ населенію той или другой мѣстности, не принимая даже въ расчетъ особаго государственнаго строя Финляндіи, мѣстныхъ учреждений Остзейскаго края и частію губерній привислинскихъ, что не можетъ быть и рѣчи объ одинаковости условій юридической жизни на всемъ пространствѣ даже одной только Европейской Россіи. Установить это понятіе чрезвычайно важно для успѣха борьбы съ централизованною петербургскою властью. По нашему мнѣнію, основанному на соображеніи вышеприведенныхъ фактовъ, слабость нашей иныишней централизованной власти, ея тягость для населенія, потеря всякаго довѣрія со стороны послѣдняго и правственнаго обаянія явились, какъ неизбежное послѣдствіе неумѣренности ея стремленій благодѣтельствовать страну одинаковыми для всѣхъ порядками, безо всякаго вниманія къ существовавшему и существующему разнообразію въ культурныхъ задачахъ населеній различныхъ мѣстностей, въ ихъ религіозномъ и нравственномъ міросозерцаніи, въ условіяхъ бытовыхъ, экономическихъ и социальных. Казенные утонисты не всегда бывали только грабителями и бездушными холопами въ рядахъ царской опричнины: многіе изъ нихъ, достигая вершинъ правленія, дѣйствительно

думали сотворить благо управляемымъ ими народамъ, но творили по преимуществу зло, потому что благо народное понимали не съ народной точки зрѣнія, не развивающимся въ направленіи, указанномъ историческими условіями мѣста и времени, а понимали его съ точки зрѣнія интересовъ государства, теоретически представляемаго ими себѣ, какъ форма, предназначенная, смотря по ученію той или другой политической (иногда и социально-экономической) школы, къ существованію, вполне независимому отъ своего внутренняго содержанія, какъ нѣчто вполне законченное и неизмѣнное, — такъ что не ее слѣдовало примѣнять, приспособлять къ жизни, а жизнь кроить по ея мѣрѣ. Отсюда рядъ непрекращаемыхъ насилій, не всегда даже и сознаваемыхъ, забвеніе нуждъ или пренебреженіе къ нуждамъ населенія во имя мнимо государственныхъ потребностей, принесеніе дѣйствительно существующихъ частей въ жертву воображаемому цѣлому и, въ концѣ концовъ, всеобщее истощеніе силъ, раззореніе, угнетеніе и недовольство существующимъ порядкомъ вещей. Коль скоро сказанное справедливо, то очевидно, въ какой именно сферѣ должна вращаться борьба съ централизованною и въ то же время грубою, чисто-матеріальною сплю нашего правительства.

Правительство наиболѣе проявило свою неспособность и слабость въ удовлетвореніи мѣстныхъ интересовъ; слѣдовательно, агитация въ пользу этихъ интересовъ и на мѣстахъ, гдѣ средства центральной власти доведены до минимума, агитация, имѣющая цѣлью провести эти интересы въ сознаніе возможно большаго числа мѣстныхъ дѣятелей должна быть разсматриваема, какъ наиболѣе дѣйствительное средство отстраненія отъ содѣйствія правительству и соединенія на борьбу съ нимъ разбѣдненныхъ въ настоящее время общественныхъ силъ, особенно же, какъ средство участія въ движеніи людей образованныхъ, которые при другихъ условіяхъ не найдутъ себѣ почвы въ народѣ.

Правительственное средоточіе не просуществуетъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ и вся правительственная организація повсемѣстно разрушится сама собою, если области поставятъ мѣстныя нужды выше мнимыхъ, въ настоящее время общегосударственныхъ потребностей и согласятся между собою и внутри себя уделить на государство лишь остатки отъ суммъ, за покрытіемъ областныхъ расходовъ въ мѣрѣ платежной способности населенія. Впрочемъ, и при такомъ сговорѣ возможно, что косвенные налоги попадутъ прямо въ правительственные кассы, но отъ самихъ потребителей предметовъ, облагаемыхъ косвенными на-

*) Не исключая и казановской комиссіи, замѣлимъ отъ себя лично.

логами, будетъ зависть приносить или нѣтъ казнѣ выгоду, тѣмъ болѣе, что вовсе безтруднительно воздерживаться отъ потребления многихъ изъ нихъ и, въ особенности, наивысше облагаемыхъ, такъ какъ именно послѣдніе не составляютъ предметовъ первой необходимости.

Есть еще много другихъ способовъ, и при томъ въ значительной части находящихся въ рукахъ мѣстныхъ органовъ самоуправления, прекратить кормленіе и всякаго рода «довольствіе» правительства на народный счетъ; но мы не будемъ на нихъ останавливаться, а перейдемъ прямо къ начертанію системы борьбы съ правительствомъ, которая представляется намъ какъ бы естественно вытекающею изъ современнаго положенія вещей, а потому и признается всѣми нашими единомышленниками какъ наиболее цѣлесообразная по времени.

ПРОГРАММА ДѢЙСТВІЯ.

I. Члены Земскаго Союза и Самоуправленія живутъ съ народомъ и вмѣстѣ съ нимъ работаютъ для общаго блага, а потому не могутъ стремиться ни къ политическимъ, ни къ социальнымъ преобразованіямъ безъ общаго съ населеніемъ страны совѣта и согласія.

II. При невозможности въ настоящее время обсуждать общественныя нужды и способы къ ихъ удовлетворенію исполнѣ безпрепятственно и сколько нибудь значительными и свободными собраніями, члены Союза прилагаютъ все свое стараніе къ установленію общаго мнѣнія и сговора между жителями другъ къ другу прилегающихъ мѣстностей, неутомимо стремясь расширить сговаривающіеся круги и пользуясь всѣми для того представляющимися случаями по закону и помимо закона.

III. Направляя всю свою дѣятельность къ тому, чтобы Земля смогла, наконецъ, возвысить свой истинный голосъ на всемъ пространствѣ государства, заявить открыто и твердо неподдѣльную, а потому и непререкаемую народную волю, члены Союза убѣждены, что разнообразіе мѣстныхъ условий и племенныхъ особенностей этому дѣлу не помѣха, потому что приведеніе въ ясность мѣстныхъ нуждъ и общее согласіе относительно способовъ ихъ удовлетворенія поведетъ лишь къ желанному внутреннему сплоченію жителей однородныхъ мѣстностей, т. е. къ образованію естественныхъ областей, и къ сознательному, вольному союзу послѣднихъ для преслѣдованія общихъ имъ цѣлей. Такимъ образомъ, дѣйствуя на почвѣ мѣстныхъ потребностей и въ условіяхъ мѣста и времени, не имѣя возможности

дѣйствовать иначе безъ разлада съ большинствомъ населенія и, слѣдовательно, съ его сознательною волею, члены Союза тѣмъ самымъ способствуютъ и объединенію силъ для борьбы съ общими для всѣхъ препятствіями.

IV. Поставляя главной цѣлью своей дѣятельности достиженіе свободы самоуправления и открытіе широкаго пользованія правами личности, присущими человѣческой природѣ и требующими безпрепятственнаго развитія какъ въ единоличной, такъ и въ семейной, общественной и государственной жизни, Союзъ не долженъ отстраняться и отъ нынѣ доступныхъ, при всей тѣснотѣ рамокъ законности, работъ по общественному благосостоянію и благоустройству, такъ какъ, дѣйствуя постоянно въ обществѣ и на почвѣ его насущныхъ потребностей, онъ не можетъ имѣть ни сколько нибудь вліятельнаго значенія, ни живой связи съ населеніемъ какой бы то ни было мѣстности и неизбѣжно впадетъ въ прямое противорѣчіе съ самимъ собою, если исключительно займется составленіемъ плановъ будущаго, или, по народному изреченію, станетъ только «сулить журавля въ небѣ». Но, исчерпывая все доступное для народнаго блага въ настоящемъ, онъ не долженъ уклоняться отъ своей главной цѣли, такъ какъ въ политическую свободу, т. е. безъ обезпеченія правъ личности и свободы самоуправления, нѣтъ прочнаго благоустройства, нѣтъ истинной дѣятельности на пользу общую.

V. Коль скоро лишившейся всякаго довѣрія и въ самой себѣ сомнѣвающейся власти будетъ противопоставлена сила, повсемѣстно утвердившаяся въ народѣ и народнымъ сознаніемъ воспринятая, а потому исполнѣ въ себя увѣренная, то, по здравому смыслу, трудно допустить, чтобы правительство дерзнуло не исполнить требованій, открыто и твердо ему предъявленныхъ, когда наступитъ пора совокупнаго дѣйствія. Но въ виду того, что на вершинахъ правленія безуміе нерѣдко царитъ надъ здравомысліемъ, Союзъ будетъ готовъ и къ побужденію силою. Онъ проявитъ ее не въ припадкахъ неистовства и не въ политическихъ убійствахъ: сильному не подѣстать неистовствовать, а народъ не можетъ быть убійцею; къ тому же, подобныя приемы борьбы, какъ показалъ уже опытъ, способны вызывать только усиленное противодѣйствіе со стороны подвергающихся нападенію (т. наз. реакцію) и нисколько не лишаютъ правительство матеріальной силы, которою оно

только и держится, когда терлетъ къ себѣ общественное довѣріе, и при помощи которой получаетъ возможность издѣваться надъ волею народа. Въ случаѣ невниманія къ требованіямъ населеній или прямого имъ противодѣйствія, Союзъ, вѣроятно, пошелъ бы не на приступъ, выражаясь военнымъ терминомъ, а прибѣгнулъ бы къ правильной осадѣ и принудилъ бы правительство къ сдачѣ изморомъ, лишивъ его матеріальныхъ средствъ къ существованію, такъ какъ эти средства всецѣло поступаютъ къ нему изъ рукъ населенія и быстро прекратятся, коль скоро послѣднее того рѣшительно пожелаетъ.

«САМА СЕБЯ РАВА БѢЕТЪ»

Въ бесплодной борьбѣ съ крамолоу русское правительство дошло до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости. Объявленное на дняхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Игнатьевымъ, высочайшее повелѣніе, подъ названіемъ «Положеніе о полицейскомъ надзорѣ, учреждаемомъ по распоряженію административныхъ властей», до того выходитъ за предѣлы здраваго смысла, что совершенно серьезно можетъ быть поставленъ наконецъ вопросъ о состояніи вмѣняемости нашихъ нынѣшнихъ правителей.

Въ видахъ «предупрежденія преступленій противъ существующаго государственнаго порядка», совершаемыхъ и замыслаемыхъ, какъ извѣстно, вслѣдствіе неудовлетворительности упомянутаго порядка и наболѣвшаго въ населеніи чувства недовольства, предлагаются мѣры, не успокоивающія нескончаемымъ гнетомъ закона и насиліемъ власти до крайности возбужденные умы, а переполняющія чашу терпѣнія наимѣне требовательныхъ, — такихъ изъ недовольныхъ существующимъ государственнымъ порядкомъ, которые не совершили никакого дѣйствія, подвергающаго ихъ карѣ уголовного закона, но имѣли или будутъ имѣть несчастье казаться мѣстнымъ властямъ опасными по своему образу мыслей. Попадая въ разрядъ поднадзорныхъ на мѣстѣ своего жительства или высылаемые безъ суда, т. е. безъ всякаго дѣйствительнаго удостовѣренія въ ихъ злонамѣренности, эти недовольные, новымъ положеніемъ объ учреждаемомъ надъ ними полицейскомъ надзорѣ не только подвергаются вторженію полиціи въ ихъ жилища «во всякое время» (ст. 18), пересмотру полиціей всѣхъ ихъ вещей и документовъ (ст. 19) и захватамъ корреспонденціи со стороны почтоваго и телеграфнаго вѣдомствъ (ст. 29), т. е. другими словами лишаются права на спокойствіе домашняго очага и права на нравственное общеніе съ окружающею средою — этихъ существеннѣйшихъ правъ гражданства и основныхъ условій чловѣческаго существованія, — но, если не имѣютъ собстvenнаго состоянія,

то по усмотрѣнію начальства могутъ быть лишены всякихъ средствъ къ жизни и въ самомъ центрѣ труда и производительности, въ развѣтѣ силъ и способностей погибнуть отъ холода и голода самолично и съ своими семьями, съ женами и дѣтьми. Такъ, поднадзорному юристу безусловно воспрещается всякая юридическая практика, всякое ходатайство по судебнымъ дѣламъ, за исключеніемъ относящихся только до него самого, его родителей, жены и дѣтей (ст. 26). Безусловно воспрещается наборщику по ремеслу быть рабочимъ въ типографіи, актеру принимать участіе въ сценическихъ представленіяхъ, людямъ образованнымъ заниматься какою бы то ни было педагогическою дѣятельностію, ученымъ участвовать въ публичныхъ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ или читать публичные лекціи, фотографу — не только дѣлать фотографіи, но и служить при фотографическомъ заведеніи въ качествѣ прикащика, конторщика, смотрителя или простаго рабочаго; то же относительно типографій, литографій и библиотекъ, торговли книгами и всѣми принадлежностями и произведеніями тисненія (ст. 24); врачевная, акушерская или фармацевтическая практика (ст. 27), а также письменныя занятія въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ по найму (ст. 21) дозволяются поднадзорнымъ не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Поднадзорному, не окончившему образованія, нельзя даже учиться не только въ правительственномъ и общественномъ, но и въ частномъ учебномъ заведеніи иначе, какъ съ разрѣшенія того же министра, при чемъ для послѣдняго обязательно еще соглашеніе съ учебнымъ начальствомъ (ст. 25). Наконецъ, воспретивъ всѣмъ поднадзорнымъ безъ исключенія всякаго рода публичную дѣятельность (ст. 24, п. 6), государственную и общественную службу (ст. 21), даже участіе въ управленіи дѣлами частныхъ обществъ и компаній (ст. 22), лишивъ ихъ права быть опекунами и попечителями (даже собственныхъ дѣтей?) иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ (ст. 23), Положеніе заканчиваетъ исчисленный рядъ лишенія поднадзорныхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, безъ суда и за здорово живешь, настоящимъ глумленіемъ надъ несомнѣннымъ правомъ уже не гражданина, а раба снискивать трудомъ себѣ пропитаніе. Ст. 28-ая гласитъ: «Всѣ остальные занятія, дозволенные закономъ, разрѣшаются поднадзорнымъ, но съ тѣмъ, что отъ мѣстнаго губернатора зависить воспретить поднадзорному избранное имъ занятіе...» Хорошо это дозволенное закономъ занятіе, которое можетъ быть воспрещено мѣстнымъ губернаторомъ! Выходитъ, что законъ для губернатора не писанъ, что по «мѣстнымъ условіямъ» (буквальное выраженіе приведенной статьи) губернаторъ по своему личному усмотрѣнію не только можетъ признать законъ не подлежащимъ исполненію, но даже прямо «опаснымъ для общественного порядка

и спокойствія» (тоже буквальное выраженіе)—и какой же законъ? Законъ, гарантирующій человѣку право труда, признаннаго безвреднымъ, никакому другому праву, ни частному, ни публичному не противорѣчащаго и потому именно дозволеннаго!

Вотъ какими драконовскими «Положеніями» нынѣшнее петербургское правительство думаетъ ослабить недовольство общества существующимъ государственнымъ строемъ, бороться съ крамолою, которая продолжается, благодаря единственно непрекращаемому насилию власти надъ священнѣйшими правами человѣческой личности, и усиливается, благодаря разрастающемуся до неимоверныхъ размѣровъ пренебреженію властей предержавныхъ къ человѣку и гражданину. И пренебреженіе это не только таится въ душѣ правителей, но выступаетъ воочию, всенародно, въ законодательныхъ актахъ, непосредственно исходящихъ отъ верховной власти! Въ неистовствѣ отъ избытка обладанія грубою силою самодержавіе само себя добываетъ—«сама себя раба бьетъ»,—доказываетъ ежедневно, ежечасно обществу и народу, всему цивилизованному міру, что въ государствѣ, гдѣ не взошло еще солнце политическаго свободнаго царствія смута, а на вершинахъ правленія—тьма и неистовство безумія.

Высочайшія повелѣнія, подобныя разсмотрѣнному «Положенію о поднадзорныхъ» только и могутъ зарождаться въ утробахъ канцелярской тайны и ко всеобщему изумленію и негодованію выходить на свѣтъ божій помыслъ всякаго коллегіальнаго ихъ обсужденія, даже въ нашемъ архиерейскомъ государственнымъ совѣтѣ. Трудно предположить, чтобы даже въ этомъ послѣднемъ учрежденіи не нашлось ни одного человѣка, который не усомнился бы въ цѣлесообразности, для охраны государственнаго порядка и общественного спокойствія, предоставленія власти министру внутреннихъ дѣлъ и его низшимъ агентамъ по собственному усмотрѣнію лишать правъ состоянія, гарантированныхъ закономъ всякому лицу, неограниченному въ пользованіи этими правами судебнымъ приговоромъ за содѣянные и доказанные на судѣ преступленія. Еще въ 1801 г. знаменитымъ «комитетомъ» при Александрѣ I было замѣчено неудобство «маны министровъ подсовывать указы (de surprendre des ukazes)» и «несогласности, съ которою его величество соглашается подписывать ихъ предложенія»). Но наши правители не имѣютъ обыкновенія справляться съ историческими памятниками заблужденія предшественниковъ, а если и справляются, то рѣдко слѣдуютъ правилу не повторять въ настоящемъ ошибокъ прошлаго.

ПО ПОВОДУ ЕВРЕЙСКАГО ВОПРОСА.

Если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, совѣтъ представителей еврейскаго населенія, собравшійся въ Петербургѣ для обсужденія нынѣшняго плачевнаго поло-

женія ихъ единовѣрцевъ въ Россіи, пришелъ къ совершенно основательнымъ заключеніямъ:

1) что переселеніе русскихъ евреевъ въ другія страны не согласно съ достоинствомъ государства и ихъ званіемъ русскихъ гражданъ;

2) что наиболѣе дѣйствительнымъ и даже единственнымъ средствомъ предупрежденія на будущее время насилій христіанскихъ массъ надъ евреями является отмѣна существующихъ относительно послѣднихъ ограничительныхъ законоположеній и

3) что потерпѣвшее отъ насилій еврейское населеніе различныхъ мѣстностей имѣетъ полное основаніе требовать вознагражденія отъ правительства, такъ какъ государственная полиція не исполнила своихъ обязанностей, состоявшихъ въ охраненіи личности и имущества евреевъ отъ насилія.

Заключеніе, изложенное въ 1-мъ пунктѣ, не говоря уже о свидѣтельствующемъ имъ сознаніи еврейскимъ населеніемъ своей гражданственности, заслуживаетъ особеннаго вниманія въ виду того, что переселеніе изъ предѣловъ Россійской имперіи всѣхъ евреевъ, численность которыхъ достигаетъ въ настоящее время 3-хъ милліоновъ,—одна изъ самыхъ неосуществимыхъ иллюзій, такъ какъ переселеніе за море, въ Палестину *) или Месопотамію, особенно рекомендуемую, напр., женевскимъ раввиномъ Вертгеймеромъ, сопряжено для каждой еврейской семьи съ значительными издержками, большинство же изъ нихъ бѣдняки, перебивающіеся кое какъ изо дня въ день и при томъ при помощи занятій, совершенно отсутствующихъ въ пустынныхъ азіатскихъ странахъ. При самыхъ благоприятныхъ условіяхъ и при самомъ энергическомъ содѣйствіи Ротшильдовъ, Всемирнаго Израильскаго Союза и другихъ благотворителей, переселенческое движеніе едва ли справится съ однимъ только приростомъ еврейскаго населенія въ Россіи, достигающимъ ежегодно цифры 120,000 душъ и, слѣдовательно, разрѣшеніе еврейскаго вопроса относительно 3 милліоновъ, составляющихъ le gros de la nation, путемъ переселенческой агитаціи ни на шагъ не подвинется впередъ. Нужны мѣры внутреннія и болѣе дѣйствительныя, чѣмъ допущенная въ законѣ по отношенію къ евреямъ нѣкоторая терпимость. Изыскивать modus vivendi для трехъ-милліонной націи, какъ это дѣлало петербургское правительство по настоящее время, т. е. устанавливать условія скольконибудь туземнаго населенія, никогда не приведетъ къ цѣли, потому что терпимый, по понятіямъ самихъ же агентовъ власти, пользуется покровительствомъ законовъ лишь на столько, на сколько это правится остальному населенію или входить въ личные расчеты правителей. Не только въ Россіи, но въ всѣхъ

*) Первая эпоха преобразованій императора Александра I, «Вѣстн. Европы», т. I, 1866 г.

*) По газетнымъ извѣстіямъ султанъ рѣшительно противится переселенію русскихъ евреевъ въ Палестину.

дѣ рѣшительно, и не только евреи, но терпимые всякаго рода подвергались и подвергаются отъ времени до времени насиліямъ то со стороны массы, то со стороны правительства, смотря по настроенію или по степени уваженія той или другой страны къ правамъ человѣческой личности вообще, безъ различія «языка и закона», какъ говорится въ одномъ изъ указовъ Екатерины II. Могла же императрица Елисавета гнать евреевъ изъ Малороссіи потому только, что не желала «интересной прибыли отъ враговъ христовыхъ»! Однако и при Елисаветѣ евреи проникали изъ Бѣлороссіи въ нынѣшнюю Черниговскую губернію и далѣе на югъ, потому что мѣстныя власти не раздѣляли взглядовъ императрицы на «интересную прибыль» и не брезгали получать ее изъ рукъ «враговъ христовыхъ». Какъ ни страннымъ можетъ казаться на первый взглядъ, но слѣдуетъ признать, что страсть императорскихъ чиновниковъ ко взяточничеству была прогрессивнѣе христіанскаго ханжества ихъ верховной повелительницы и, способствуя разсѣянію евреевъ по имперіи вопреки закону, оказывала своего рода справедливость, если не евреямъ, то тѣмъ именно присоединеннымъ отъ Польши мѣстностямъ, гдѣ еврейское населеніе было чрезвычайно скучено и тѣмъ самымъ грозило еще большими, чѣмъ въ настоящее время, социальными - экономическими затрудненіями для мѣстнаго христіанскаго населенія. Впрочемъ, и верховная власть не долго гнушалась «интересною прибылью отъ враговъ христовыхъ». Въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія разными неправдами проникшіе на новыя мѣста евреи получили дозволеніе оставаться тамъ и впредь подъ условіемъ уплаты двойныхъ гильдейскихъ пошлинъ и вообще всякихъ падавшихъ на нихъ государственныхъ сборовъ; за тѣмъ еврейскій рубль получаетъ все большее и большее значеніе въ глазахъ правительства: купцы первой гильдіи, т. е. наиболѣе богатые или оборотливые изъ евреевъ, и люди съ высшимъ образовательнымъ цензомъ, т. е. обладающіе способностью къ высшему заработку, мало по малу получаютъ право неограниченнаго въ имперіи мѣста жительства. Правительство не догадывалось или ему было просто все равно, что, оцѣнивая по карману гражданскую правоспособность лицъ терпимой имъ національности, оно такимъ образомъ развращало всю націю, побуждало ее стремиться къ скорой и возможно болѣе наживѣ во что бы то ни стало. Въ теченіе цѣлаго столѣтія золотой дождь сыпался на администраторовъ изъ той еврейской среды, которая, стремясь къ разселенію подъ давленіемъ экономическихъ условій, не имѣла на то права по закону. На нашъ взглядъ, еще вопросъ, что нравственнѣе: покупать права гражданства, хотя бы и временныя, или торговаться этими правами? Между тѣмъ евреямъ именпо ставится въ вину обходъ ограничительныхъ по отношенію къ нимъ

законоположеній и ихъ стремленіе путемъ наживы стать подъ общій съ остальнымъ населеніемъ уровень пользованія гражданскими правами. Само собою разумѣется, что, торгуя и дозволяя торговать свободю занятій и передвиженія, правительство и его агенты поступали съ евреями, какъ обыкновенно поступаютъ съ терпимыми: содрать съ пробравшихся на недозволенные для ихъ жительства мѣста по двѣ шкуры, оно снова гнало ихъ во свояси. Въ доказательство достаточно привести послѣднія распоряженія нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ о занимающихся формацевтическою практикою въ столицахъ и о сотняхъ евреевъ, гонимыхъ изъ Кіева и другихъ городовъ. Всюду и всѣмъ принимаемая въ расчетъ, въ видахъ общественнаго спокойствія и государственнаго благоустройства, давность поселенія, хотя бы и вопреки закону, потому что надъ всякимъ ограничительнымъ закономъ есть еще высшій законъ — естественнаго прогресса и необходимости, понятая нашими нынѣшними правителями, съ узкой точки зрѣнія канцелярскаго формализма, какъ непрекращающееся злоупотребленіе. Даже публицисты «Московскихъ Вѣдомостей» возмущались такимъ толкованіемъ законности; даже безличнѣйшій изъ сатраповъ петербургскаго правительства, московскій генералъ-губернаторъ князь Долгоруковъ нашелся вынужденнымъ, въ видахъ охраненія достоинства власти, предписать подвѣдомственной ему полиціи возможную мягкость и осторожность при исполненіи циркулярнаго распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ.

Мы приведемъ эти общезвѣстные факты лишь съ цѣлью наглядно доказать еще сомнѣвающимся, что состояніе терпимости по закону не исключаетъ возможности подвергаться грубымъ насиліямъ со стороны тѣхъ самыхъ властей, которыя установлены якобы для охраненія государственнаго порядка. Заботившійся о направленіи дѣятельности евреевъ на почву производительнаго труда Николай Павловичъ не стѣснялся обрѣзывать пейсы и долгопалые сюртуки своихъ подданныхъ іудейскаго закона въ видахъ ассимиляціи ихъ съ остальнымъ населеніемъ, такъ точно, какъ великій своими злодѣйствами Петръ I рѣзалъ бороды и кафтаны, отъ которыхъ не могли отвыкнуть ни бояре, ни простолюдины, думая этою мѣрою приобщить свой народъ къ западно-европейской цивилизаціи, а отецъ его, тишайшій Алексѣй Михайловичъ, создавшій въ своемъ воображеніи образъ божій по подобію московскаго боярина, въ интересахъ православія покушался стричь чубы у казаковъ воссоединенныхъ съ Москвою областей.

Коль скоро нѣтъ всенародно признанныхъ правъ и самому же народу не вручена охрана ихъ неприкосновенности, всегда возможно въ той или иной формѣ надругательство власти надъ личностію какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлой націи, ея бездѣйствіе или безсиліе въ охраненіи жизни и имущества гражданъ,

составляющемъ главную задачу государственнаго благоустройства и самую цѣль государственнаго общежитія.

Евреямъ послѣ балтскаго и дубосарскаго погромовъ должно бы стать яснымъ, что причина поразившаго ихъ бѣдствія коренится въ нашемъ общемъ безправіи, въ неорганизованности населенія для самозащиты, вслѣдствіе чего дурные, враждебные обществу побужденія находятъ возможность проявлять себя съ разрушительною силою. Евреи, поселившіеся въ Россіи, должны сознать наконецъ, что сильные міра сего въ нашемъ общемъ отечествѣ никогда не считали себя ихъ защитниками по долгу и что пользоваться покровительствомъ законовъ за услуги властямъ или за деньги можно только до поры — до времени. Надежное обезпеченіе личности отъ всякаго насилія можетъ представить лишь установленіе такого порядка, который признаетъ ненарушимость самаго малаго изъ правъ человѣка въ обществѣ, «безъ различія языка и закона», а этого не возможно достигнуть безъ борьбы съ произволомъ государственной власти, безъ организаціи общественной самообороны противъ всякаго насилія, отъ кого бы оно ни исходило.

При сложившихся обстоятельствахъ евреи не могутъ образовать изъ своей среды самостоятельные боевые кадры и выступить на дорогу открытаго возстанія для завоеванія силою правъ гражданственности, еще менѣе могутъ они рассчитывать на поддержку той самой толпы, которая подняла на нихъ руку въ западныхъ и южныхъ губерніяхъ. Но есть движеніе, къ которому они могутъ и должны примкнуть, — это движеніе сознательной части народа (безъ которой самое понятіе о народѣ, какъ культурномъ цѣломъ, непонятно), возвысившейся до пониманія своего гражданскаго достоинства. Не за горами уже то время (мы надѣемся, по крайности, и имѣемъ основаніе надѣяться), когда нынѣ разрозненные общественныя силы соединятся въ одинъ дружный хоръ для предъявленія безчинствующему петербургскому правительству своихъ требованій порядка и освобожденія народнои самостоятельности отъ гнета централизованной правительственной опеки. Вотъ въ этотъ то моментъ торжества справедливости евреи, поселившіеся въ Россіи, должны помнить, что у нихъ нѣтъ другаго отечества, кромѣ общаго съ остальными племенами Имперіи, и теперь же начать работать, съ тою же энергіей, какъ и иноплемennые имъ соотечественники, къ возможному приближенію этого момента и къ выступленію во всеоружіи на борьбу съ общимъ врагомъ.

Силою всякаго освободительнаго движенія мы считаемъ вольный союзъ общественныхъ группъ до націи включительно, а потому, чтобы не остаться безъ почвы подъ ногами или не быть вынужденными впослѣдствіи поступиться своими жизненными правами, по нашему мнѣнію, евреямъ необходимо, прежде своего вступленія въ общій союзъ освобож-

денія, сорганизоваться у себя внутри. Если не ошибаемся, наиболее энергичные люди изъ еврейской національности уже серьезно взялись за эту задачу*), по крайней мѣрѣ многие изъ нихъ на отрывъ отказались въ послѣднее время отъ участія въ предпріятіяхъ централистическихъ революціонныхъ группъ, стремящихся въ своею очередь стать всероссійскимъ правительствомъ и при томъ безъ уполномочія народа.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о содержаніи 3-го пункта постановленій съѣзда еврейскихъ представителей въ Петербургѣ. Не смотря на всю справедливость притязанія евреевъ на вознагражденіе за имущественныя потери, понесенныя ими вслѣдствіе неисполненія полиціей обязанностей охранительной и предупреждающей преступленія власти, мы не можемъ признать подобное требованіе практичнымъ, именно въ настоящую минуту, когда петербургское правительство менѣе всего расположено оказывать справедливость еврейскому населенію. Къ тому же, никакое правительство не имѣетъ собственныхъ капиталовъ, а лишь расходуетъ на опредѣленные нужды деньги, собранныя имъ съ народа. Поэтому едва ли можно серьезно ставить вопросъ о денежномъ вознагражденіи потерпѣвшихъ во время еврейскихъ погромовъ. Но государство бесспорно можетъ вознаградить нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно, располагая обширными земельными владѣніями, оно можетъ, въ видѣ вознагражденія за потери, отвести въ собственность желающимъ заняться земледѣліемъ различной величины земельные участки, согласно потребностямъ каждаго, и содѣйствовать ихъ переселенію и устройству на новыхъ мѣстахъ.

Намъ сообщаютъ, что бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Лорисъ Меликовъ, намѣревается представить или даже уже представилъ на усмотрѣніе высочайшей власти свою записку о современномъ состояніи Россіи. «Новое Время» ожидаетъ къ 1-му мая пріѣзда въ Петербургъ своего бывшего покровителя.

Изъ достойнаго вѣроятія источника передаютъ намъ, что слухи объ отставкѣ графа Игнатъева, пущены были въ ходъ имъ самимъ, съ цѣлю вызвать такимъ образомъ сочувственныя этой отставкѣ отзывы въ иностранной печати и тѣмъ упрочить свое положеніе. Лишенный всякой самостоятельной политической программы, самъ руководится только однимъ движеніемъ—реакціей коварному Западу, противъ котораго его настроили москвофилы. Игнатъевъ понимаетъ это, какъ нельзя лучше, и наигрываетъ на этой слабой стрункѣ царя, какъ и когда ему нужно.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» помѣщено официальное сообщеніе, изъ кото-

*) Объ этомъ свидѣлствуетъ и помѣщаемое ниже письмо г-на М., сообщеніямъ котораго объ организационномъ движеніи въ еврейской средѣ мы охотно и съ благодарностью открываемъ столбцы нашей газеты.

раго видно, что особое совѣщаніе по разсмотрѣнію дѣлъ о поднадзорныхъ предполагаетъ окончить разсмотрѣніе прежнихъ дѣлъ въ теченіи предстоящаго лѣта, такъ какъ до настоящаго времени изъ общаго ихъ числа разсмотрѣно уже 1509, при чемъ 990 лицъ освобождены отъ надзора полиціи (другими словами, пострадали ни за что, ни про что даже по мнѣнію министерскихъ чиновниковъ), 165 лицъ оставлены подъ надзоромъ полиціи на сроки свыше трехъ лѣтъ и 354 лица на сроки менѣе трехъ лѣтъ.

„Народная Воля“ о централизациі революціонной борьбы въ Россіи.

Какъ бы кто ни относился къ принципамъ и способамъ дѣйствія той части русскихъ революціонеровъ, которая имѣетъ своимъ органомъ «Народную Волю»,—нельзя не признать за ней весьма серьезнаго значенія, какъ за группой чрезвычайно дѣятельной и при томъ какъ за самой въ настоящее время энергической изъ наличныхъ противуправительственныхъ силъ, которая уже одною своею энергіей привлекаетъ къ себѣ наиболее горячіе оппозиціонные элементы въ Россіи. И хотя литературное изложеніе политическихъ идей этой группы и всегда имѣло меньшее значеніе, чѣмъ практическая энергія ея дѣятельности, однакожъ, поддержанное этой энергіей, и оно способно оказывать обаятельное вліяніе на извѣстную часть общества, преимущественно на молодежь. Это обстоятельство заставляетъ обращать вниманіе на политическія теоріи и планы, излагаемые на страницахъ «Народной Воли», какъ на такіе, которые въ значительной степени опредѣляютъ практическое направленіе дѣятельности извѣстнаго количества личностей, стремящихся къ устраненію существующаго порядка вещей въ Россіи и къ замѣнѣ его другимъ.

Съ этой точки зрѣнія нельзя пропустить безъ вниманія въ особенности двухъ статей послѣдняго, 8—9, № «Народной Воли», передовой и слѣдующей за ней, въ которыхъ названная газета излагаетъ,—и при томъ съ не часто встрѣчающеюся въ русской революціонной печати послѣдняго времени ясностью,—свои соображенія относительно организациі революціоннаго движенія въ Россіи и ближайшихъ плановъ партіи «Народной Воли».

Въ этомъ отношеніи особенно интересны слѣдующія слова изъ передовой статьи вышеупомянутаго №-ра:

«Теперь наша непосредственная задача—организация заговора, съ цѣлю ниспроверженія существующаго государственнаго строя.

«Въ настоящее время работа партіи Нар. Воли направлена главнымъ образомъ къ тому, чтобы соединить всѣ активно-протестующія силы, сплотить ихъ въ крѣпкую централистическую организацию, способную взять на себя инициативу возстанія въ рѣшительный моментъ, а до той поры—успѣшно вести заговорщическую дѣятельность, не смотря ни на какія преслѣдованія правительства. Успѣшное выполненіе этой задачи возможно при концентраціи боевыхъ силъ лишь въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ каждый шагъ приближалъ бы насъ къ цѣли, каждое дѣйствіе имѣло бы значеніе въ ближайшемъ,

а не въ отдаленномъ будущемъ. Поэтому-то мы и группируемъ активныя, сознательно-революціонныя силы въ правительственныхъ центрахъ, не исключая и окраинъ, по степени ихъ важности, и ведемъ организационную работу только среди тѣхъ элементовъ, которые примутъ непосредственное участіе въ самомъ переворотѣ.

«Необходимость такой постановки дѣла практически вытекаетъ, между прочимъ, изъ того, что деревенскія волненія, движенія съ окраинъ, безъ инсurreкціи въ административныхъ и промышленныхъ центрахъ, всегда немедленно подавляются и проходятъ почти безслѣдно для дѣла народнаго освобожденія. И невыгода этого способа будетъ постоянно возрастать, по мѣрѣ прогрессирования техническихъ усовершенствованій, которыми располагаетъ центральное правительство; между тѣмъ какъ самыя условія жизни народа отнимаютъ у него возможность организоваться для борьбы. Кроме того организациі крестьянскихъ силъ не входитъ въ наши расчеты, и хотя популяризація партіи, въ связи съ агитаціоннымъ значеніемъ террористическихъ фактовъ, расчитана на путь для прямаго дѣйствія среди народа, мы считаемъ необходимымъ направить свою дѣятельность въ эту сторону лишь настолько, чтобы уяснить народу истинный смыслъ нашихъ требованій, оградить крестьянскую среду отъ реакціонныхъ попытокъ враговъ народа въ моментъ возстанія, и тѣмъ самымъ обезпечить успѣшность и прочность переворота.»

Въ выписанныхъ до сихъ поръ словахъ столбчатый централизмъ нѣсколько затемняется оговоркою: «группируемъ активныя, сознательно-революціонныя силы въ правительственныхъ центрахъ,—не исключая и окраинъ и т. д.»—по дальнѣе, въ концѣ статьи, этотъ централизмъ выступаетъ во всей своей ясности. «Народная Воля» говоритъ прямо о «временномъ правительствѣ» своей партіи. При этомъ газета надѣется, что въ экономическомъ отношеніи роль этого временнаго правительства будетъ чисто формальная (мы бы сказали, даже и излишняя). «Выгодное, по словамъ «Н. В.»—соотношеніе политическихъ и экономическихъ факторовъ на русской почвѣ», состоящее въ томъ, будто бы, что «одновременно съ тѣмъ, какъ социально-революціонная партія наноситъ удары правительственной власти, въ народѣ все болѣе и болѣе пробуждается ненависть къ привилегированнымъ, правящимъ слоямъ и настоячивое стремленіе къ радикальному измѣненію экономическихъ отношеній»,—выгодное соотношеніе это «позволяетъ Н. В.-ѣ надѣяться, что, когда революціонная организация будетъ въ силахъ произвести политическій переворотъ, народъ съумѣетъ совершить революцію въ экономической сферѣ, и (тогда) захватившему власть временному революціонному правительству придется лишь санкционировать экономическое равенство, отвоеванное народомъ у его вѣковыхъ угнетателей и эксплуататоровъ.... «Но если обстоятельства сложатся менѣе благоприятно,—продолжаетъ «Народная Воля»,—въ такомъ случаѣ временное революціонное правительство, ридомъ съ политическимъ освобожденіемъ народа, рядомъ съ установленіемъ новыхъ политическихъ уч-

реждей, производить экономический переворот: уничтожает право собственности на землю и на орудия крупного производства. Тогда на созванный Земский Собор явятся истинные представители народа, освобожденные политически и экономически, и народная жизнь станет регулироваться неподдающейся народною волею».

Слѣдующая за передовою статья въ концѣ своемъ развиваетъ подобныя же мысли почти тѣми же словами, — при чемъ прибавляетъ и нѣсколько возраженій противъ стремленій децентрализационныхъ, которыя авторъ статьи отвергаетъ по крайней мѣрѣ въ настоящую и ближайшія за нею минуты, заявляя рѣшительно, что «строго централистическій типъ организаціи на весь періодъ борьбы, до первой прочной побѣды революціи, мы считаемъ за наилучшій, единственно ведущій къ цѣли».

Возраженія по направленію противниковъ принципа централизаціи авторъ статьи дѣлаетъ въ такихъ словахъ: «Нерѣдко говорятъ, будто партія «Народной Воли» присуще пренебреженіе мѣстными особенностями русскихъ окраинъ, стремленіе подчинить остальные народности великорусскому племени. Излишне доказывать, что народничество, какъ социалистическая партія, чуждо какихъ бы то ни было національных пристрастій и считаетъ своими братьями и товарищами всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ, безъ различія происхожденія; что пользоваться племенной враждой, а тѣмъ болѣе раздувать ее—вовсе не входитъ въ наши планы, что мы не сдѣлаемъ подобнаго шага, какъ бы ни была велика ожидаемая отъ того временная выгода для партіи *).

*) Откладывая на продолженіе нашей статьи критику основныхъ положеній обихъ статей «Народной Воли», мы пока не можемъ не сдѣлать частныхъ замѣчаній относительно подробностей, подобныхъ послѣднимъ выписаннымъ строкамъ. Казалось бы излишне доказывать, что эти строки вовсе не опровергаютъ извѣстныхъ автору статьи замѣчаній относительно пренебреженія русскихъ революціонеровъ къ особенностямъ русскихъ окраинъ, — которыя лучше было бы называть невеликорусскими областями Россіи. Замѣчанія эти вовсе не приписываютъ русскимъ (великорусскимъ) революціонерамъ вообще, а народничеству въ частности, — намѣренія «пользоваться племенной враждой, а тѣмъ болѣе раздувать ее» (хотя подобный упрекъ можно бы было сдѣлать по поводу недостаточно обдуманной прокламаціи Н. В. къ украинскому народу по случаю противуеврейскихъ безпорядковъ). Русскимъ революціонерамъ только замѣчали, что исключительно великорусская окраска ихъ дѣятельности осуждала ее на безпочвенность по всѣмъ невеликорусскимъ областямъ, которыя составляютъ почти половину Европейской Россіи съ Кавказомъ, и оставляла благоприятныя для политическаго и социальнаго перелома силы невеликорусскихъ провинцій безъ пробужденія и безъ утилизациі. Такая исключительность, — столько же несправедливая, между прочимъ потому, что ряды русскихъ революціонеровъ состоятъ на добрую долю изъ ослепленныхъ усиліями правительства представителей невеликорусскихъ краевъ, сколько и неблагоприятная для хода революціоннаго дѣла въ Россіи, должна усиливаться по мѣрѣ централизаціи революціоннаго дѣла въ столицахъ, которыя лежатъ въ области великорусской. Затѣмъ, какъ отнесется масса этой области и ея представители, напр., въ всероссійскомъ Земскомъ Соборѣ, а равно и то правительство, которое бы этотъ Соборъ установило, какъ отнесутся они къ автономнымъ стремленіямъ «окраинныхъ» народовъ, — за это врядъ ли могутъ ручаться пылшіе «народничества». Защитники національной равноправности и автономіи областей имѣютъ основанія смотрѣть только съ нѣкоторымъ безпокойствомъ въ будущее и тѣмъ болѣе, что,

«Другая сторона національнаго вопроса касается будущаго способа существованія исторически (!?) обособившихся народностей. Само собою разумѣется, что мы не отнимаемъ у такихъ народностей права на полную политическую независимость, оставляя на ихъ добрую волю стать въ тѣ или другія отношенія къ остальнымъ (?) національностямъ».

«Но мы утверждаемъ, что противъ общаго врага должны быть направлены соединенныя, дружныя усилія всѣхъ составныхъ частей государства; разединеніе въ борьбѣ ослабитъ наши силы и отдалитъ побѣду. Мы настаиваемъ также на томъ, что торжество революціонныхъ и социалистическихъ принциповъ упрочится только при томъ условіи, если общими силами будетъ произведена не одна дезорганизаціонная, разрушительная работа, но и созидательная, т. е. учредительная дѣятельность общаго сскаго Земскаго Собора, который займетъ мѣсто временнаго революціоннаго правительства, распространится на территорію всего государства. Только (!) послѣ закрѣпленія революціонныхъ приобретений, послѣ твердой установкѣ общихъ (?) основъ новаго строя, отдѣльнымъ народностямъ должно быть предоставлено право *) опредѣлить свою политическую связь съ цѣлымъ (?) государствомъ. Иначе темныя реакціонныя силы, навѣрно, найдутъ свою Вандею, откуда откроютъ походъ противъ расчлененной революціи».

Не трудно представить себѣ тотъ путь, какимъ наиболѣе активная часть русскихъ революціонеровъ пришла къ изложеннымъ выше централистическимъ идеямъ послѣ не очень давно бывшихъ въ ходу въ ихъ средѣ идей анархическихъ и федеральныхъ, и опредѣлѣть тѣ иностранные политические элементы, которые способствовали окончательной формулировкѣ вышеизложенныхъ соображеній сотрудниковъ «Народной Воли». Оставивъ даже въ сторонѣ неизбежное вліяніе и на революціонную среду традицій того государства, въ которомъ она образовалась и дѣйствуетъ, — мы видимъ, что въ поддержку центристическаго теченія въ русской революціонной средѣ должны были дѣйствовать условія политической жизни въ Россіи, дѣлающія крайне затруднительными всякую, такъ сказать, парламентарную сторону революціоннаго движенія и склоняющія революціонеровъ въ сторону тѣсныхъ конспирацій и даже диктатуры. Преимущественно же «террористическое» направленіе, какое имѣла въ послѣднее время, — тоже подвліяніемъ россійскихъ условій, — дѣятельность группы «народниковъ», должно была тѣмъ болѣе склонять ихъ мысли въ сторону централизаціи. Прибавьте къ этому вліяніе примѣровъ французской революціи 1792—93 гг., а также идеаловъ нѣмецкихъ социаль-демократовъ, сложившихся въ то время, когда Германія стремилась къ политической централизаціи, и вы легко себѣ объясните происхожденіе тѣхъ словъ петербургской революціонной газеты, которыя мы выше выписали.

Но, будучи такимъ образомъ вполне есте-

особенно въ послѣднее время, даже и революціонеры великорусскіе не обнаруживаютъ замѣтной симпатіи къ началу областной автономіи и по меньшей мѣрѣ падятъ предразсудокъ единства и недѣлимости Россіи, если не прямо его поддерживаютъ.

*) Вотъ тебѣ и «не отнимаемъ права» и проч.!

ственнымъ, при данныхъ обстоятельствахъ, эти слова, которыя, конечно, сопровождаются и будутъ сопровождаться извѣстными дѣйствіями, заключаютъ въ себѣ, по нашему глубокому убѣжденію, сѣмена явленій крайне гибельныхъ прежде всего для самихъ революціонныхъ элементовъ въ Россіи, а за тѣмъ и для всей страны этой. Въ централистическихъ тенденціяхъ, развившихся въ выписанныхъ словахъ «Н. В.» мы усматриваемъ одинъ изъ многихъ признаковъ въ поддержку того опасенія, какое мы не разъ высказывали, — между прочимъ и на страницахъ «Вольнаго Слова», — опасенія за то, какъ бы теперешнее броженіе въ Россіи и могущее послѣдовать за нимъ болѣе широкое революціонное движеніе не окончилось и здѣсь такъ же мало соотвѣтственными тратами силъ результатами, какими кончилась великая французская революція, послѣ того какъ въ ней одержало верхъ теченіе централизационно-якобинское, у котораго пора бы даже отнять самое названіе революціоннаго, такъ какъ оно было собственно уже началомъ контр-революціи, кончившейся установленіемъ бонапартизма *).

М. Драгомановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

экономическаго положенія рабочихъ на С. Петербургскихъ заводахъ **).

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Вмѣсто предисловія.

Одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ, рѣшеніе коихъ безотлагательно необходимо, есть несомнѣнно вопросъ рабочій. Куда ни обратите ваши взоры, вы неиз-

*) Если подъ словомъ—революція разумѣть главнымъ образомъ извѣстное проявленіе энергіи къ ниспроверженію даннаго порядка и къ установленію другаго, то якобинизмъ будетъ, конечно, сугубо-революционнымъ; но если имя революціоннаго движенія давать только движенію прогрессивному, устанавливающему порядокъ дѣйствительно новый по формѣ и идеямъ, — то изъ всѣхъ политическихъ теченій своего времени якобинство будетъ наименѣе революционнымъ, такъ какъ оно устанавливало порядокъ наименѣе отличный по существу своему отъ системы бюрократической централизаціи диктатуры, которая существовала и въ старомъ королевствѣ. Съ этой стороны не только республиканскій федерализмъ, но и конституціонно-монархическій либерализмъ были гораздо болѣе революционными, чѣмъ якобинство.

**) Мы получили эту статью при слѣдующемъ письмѣ:

Мм. Гг.

Какъ постоянный читатель Вашего почтеннаго журнала и какъ человекъ, заданный цѣлю всѣми возможными средствами пропагандировать свою идею серьезной разработкѣ экономической стороны рабочаго вопроса, я имѣю честь обратиться къ Вамъ за содѣйствіемъ, а именно, прошу уделить мѣсто на страницахъ Вашего падія для моихъ трудовъ по рабочему вопросу. Я не отниму у Васъ много мѣста, ибо ограничусь сжатымъ изложеніемъ фактовъ и тѣми выводами, которые не имѣю надежды провести при посредствѣ легальной прессы.

Будучи вполне увѣренъ въ Вашемъ, Мм. Гг., любезномъ вниманіи и сочувствіи, посылаю при семъ начало статьи (невозможное къ печати внутри отечества) и затѣмъ, по мѣрѣ подготовленія, не замедлю присылать остальной матеріалъ. Время уходитъ, положеніе обостряется, всякое промедленіе въ организаціи рабочей силы губительно, а потому необходимо не откладывать всесторонняго изученія рабочаго вопроса также и у насъ въ Россіи.

Примите и проч.

С. Петербургъ. 18 /iv 82.

бѣжно встрѣчаете факты, кричащіе о неудовлетворительности условій, въ которыхъ поставлено существованіе громаднаго числа людей, принадлежащихъ къ классу «полицейцевъ и кормильцевъ» русской промышленности. Постоянно возрастающій контингентъ нищихъ, калѣкъ, пьяницъ, воровъ, бродягъ и т. п. элемента уже обратилъ на себя вниманіе и печати, и общества, и даже правительства. Газеты то и дѣло сообщаютъ факты, надрывающіе сердце и возмущающіе душу; земства и думы «ислѣдуютъ причины» и «измышляютъ мѣры», полиція «охраняетъ» и «пресѣкаетъ», но дѣло не подвигается ни на одинъ шагъ впередъ!

Сегодня понижена плата на одномъ заводѣ, завтра закрывается другой, послѣ-завтра сокращаетъ работы третій... Не такъ давно такіе факты влекли за собою волненія между рабочими, вызывали протесты въ печати и тѣмъ обращали на себя вниманіе общества; теперь же рабочій людъ молча подчинился всѣмъ невзгодамъ, ибо, протестуя, рискуетъ остаться окончательно голоднымъ...

Явленія эти не новость. Рабочій и промышленный кризисъ тянется уже пятый годъ, начиная съ восточной войны. За все это время земства измышляютъ мѣры, въ печати прорываются толки о рабочемъ вопросѣ, правительственныя коммиссіи собираютъ статистическія свѣдѣнія, — казалось-бы дѣло будетъ поправлено, но, увы! факты, вопиющіе факты говорятъ о постепенномъ упадкѣ экономическаго благосостоянія рабочихъ, сопровождающемся тѣсно связанными съ нимъ проявленіями.

— Въ результатѣ всѣхъ мѣропріятій оказывается, что земскія измышленія сами по себѣ, статистическія работы разныхъ коммиссій сами по себѣ, положеніе же рабочаго класса тоже само по себѣ: между ними нѣтъ никакой связи, стало быть, и вся дѣятельность по рабочему вопросу не имѣетъ смысла.

Ниже мы увидимъ, что это и не могло быть иначе. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлали фабриканты при упадкѣ сбыта ихъ произведеній? Они сокращали работы, просили субсидій, понижали заработную плату. Что дѣлало правительство? Оно, опасаясь волненій и безпорядковъ между рабочими, помогало фабрикантамъ субсидіями, назначеніемъ полицейскихъ для охраны заводовъ, усиленіемъ патрулей; въ крайнемъ случаѣ оно назначало коммиссіи для изслѣдованія положенія рабочихъ. Что дѣлали эти коммиссіи? Онѣ разсылали фабрикантамъ разграфленные листы бумаги, проси поставитъ нужныя статистическія свѣдѣнія къ извѣстному сроку. Фабриканты не стѣснялись писать въ графахъ, что богъ на душу положитъ, а если между ними случались совѣтливые люди, не рѣшавшіеся показывать ложныхъ цифръ, но не желавшіе подставлять и свою шею, то таковые отзываются незнаніемъ и были вырочаемы полиціей, которая «въ видахъ простоты и скорости» вносила сама все, что вздумается, для заполненія пустаго мѣста. Что дѣлали городскія думы и земства? Подъ давленіемъ общественнаго сознанія пужды рѣшить рабочій вопросъ, они его обсу-ж-

дали. Но кто же представители городскихъ сословій и земскіе дѣятели? Всѣ, кромѣ рабочихъ! Это лица, которымъ рѣшеніе рабочаго вопроса въ надлежащемъ смыслѣ не только не выгодно, но и погубно, равносильно положенію петли на собственную шею.

Вотъ причины, по которымъ рабочій вопросъ остается неизслѣдованнымъ, отчего положеніе рабочихъ ухудшается со дня на день и отчего народное благосостояніе Россіи подрывается въ корнѣ.

Намъ возразятъ, что были и добросовѣстные изслѣдователи рабочаго вопроса, которые путемъ печати указывали на нужды рабочихъ и требовали законнаго огражденія правъ рабочаго сословія.

Да, были. Но скажите по совѣсти, можно ли на основаніи отрывочныхъ фактовъ, на безсистемныхъ и поверхностныхъ очеркахъ проводить реформу, на долгое время ставящую рабочихъ людей въ извѣстныя, не отвѣчающіе дѣйствительности, тиски. Для того, чтобы измѣнить законъ, нужно глубоко изучить всѣ факторы, влияющіе на то или другое экономическое положеніе массы, а такихъ факторовъ очень и очень много. Рабочій вопросъ тѣмъ и труденъ для рѣшенія, что захватываетъ столько неуловимыхъ для поверхностнаго изученія сторонъ, которыя необходимо должны быть приняты во вниманіе.

Теоретическія «среднія цифры» даютъ общія понятія о «средней» достаточности извѣстнаго класса, но онѣ только для этого и годны. Коль скоро же мы желаемъ не только «изучать», но и «давать хлѣбъ» голодному, то вѣдь само собою разумѣется, что намъ нуженъ не «средній» работникъ, а именно «*голодный*»; спрашивается, какимъ способомъ узнаемъ мы число голодныхъ людей при помощи среднихъ дневныхъ заработковъ?

Два человѣка имѣютъ вмѣстѣ 100 тысячъ рублей, средній капиталъ, 50 тысячъ, образуетъ хорошее состояніе, но вѣдь можетъ случиться, что у одного изъ нихъ за душой только и есть одна копѣйка, другому же принадлежитъ весь остатокъ, какой же практической смыслъ въ среднемъ-то капиталѣ? Между тѣмъ наши изслѣдователи дальне среднихъ цифръ для выраженія экономической жизни рабочихъ не сдѣлали шагу и даже не помышляютъ о неудовлетворительности своихъ трудовъ.

Писущему эти строки, за время пятилѣтняго тѣснаго общенія съ рабочими на заводѣ, пришлось близко познакомиться съ экономической жизнью рабочихъ. Въ нашихъ рукахъ были всѣ данныя къ изученію многихъ фактовъ рабочаго вопроса, и пятилѣтнія наблюденія показали, что поверхностнаго собиранія статистическихъ цифръ слишкомъ недостаточно, чтобы измѣнить бытъ рабочаго къ лучшему. Не претендуя на конечное выясненіе рабочаго вопроса (мы именно доказываемъ необходимость долгаго, тяжелаго и кропотливаго труда въ этомъ дѣлѣ соединенныхъ силъ тысячъ тружениковъ, готовыхъ служить дѣлу благосостоянія рабочихъ), пишушій имѣетъ дѣлію, рекомендуя вниманію общества свой трудъ, указать на тѣ факто-

ры, которые вліяютъ на бытъ рабочаго, не будучи на столько замѣтны, чтобы выразиться въ среднихъ статистическихъ данныхъ.

Р. Григорьевъ.

ВЛИЯНІЕ ПРОТИВУЕВРЕЙСКИХЪ БЕЗПОРЯДКОВЪ НА Евреевъ.

(Письмо въ редакцію «Вольнаго Слова»*)

Въ жизни русскихъ евреевъ замѣчается въ высшей степени странное и настолько же прискорбное явленіе, которое въ послѣднее время бросилось въ глаза даже неевреямъ. Именно, параллельно съ тѣмъ, какъ у русской интеллигенціи, и особенно у учащейся молодежи, зарождалось сильное стремленіе къ сближенію съ «меньшей братіей», съ массою сѣраго люда, стремленіе, обнаружившееся, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, какъ въ литературѣ, такъ и въ дѣятельности нѣсколькихъ партій, — параллельно съ этимъ, среди еврейской интеллигенціи, и опять же особенно среди учащейся молодежи, возникало стремленіе совершенно противоположное: какъ можно, подалѣе уйти отъ еврейской массы, разорвать съ нею всякія связи. Я не имѣю въ виду въ настоящій моментъ вдаваться въ объясненія причинъ этого, тѣмъ болѣе уродливаго и съ перваго взгляда непонятнаго явленія, что оно какъ бы прогрессировало рядомъ съ тѣмъ, какъ все болѣе и болѣе прогрессировало у евреевъ просвѣщеніе. Я здѣсь только отмѣчаю фактъ, который можно толковать различно, но существованія котораго нельзя ни комъ образомъ отрицать. Люди поверхностные и зараженные инстинктивнымъ, съ дѣтства всосаннымъ предубѣжденіемъ противъ евреевъ, рѣшали дѣло просто: еврейская масса представляетъ собой, сѣдовато, нѣчто крайне безобразное, когда лучшіе люди даже изъ самихъ евреевъ такъ стремятся отъ нея отдѣлаться. Еврейскіе ренегаты и измѣнники народному еврейскому дѣлу въ большинствѣ случаевъ не только этого не отрицали, но, стремясь заслужить такъ страстно желаемый ими комплиментъ, что они совсѣмъ не похожи на евреевъ, подтверждали такое мнѣніе о своихъ единоплеменникахъ, что еще болѣе его утвердило. За это мнѣніе по сію пору осталось большинство русскаго общества; и противъ этого мнѣнія не памфлетъ я и спорить, считая оскорбительнымъ для еврейской массы защищать ее противъ такого огульнаго, голословнаго обвиненія. Я здѣсь только хочу представить нѣкоторые факты, которые краснорѣчивѣе всякихъ пустыхъ преніятельствъ покажутъ на сколько была права еврейская,

*) Печатаемое письмо принадлежитъ образованному еврею изъ той категоріи ихъ, которая теперь наиболѣе необходима для массы не только еврейскихъ, но и христіанскихъ на югозападѣ Россіи, т. е. такой, которая, получивъ ново-свроейское образованіе, не отворачивается отъ своей темной массы, а становится на необходимости образованнымъ людямъ идти въ свой народъ и подѣлаться съ нимъ приобретенными ими черезъ образованіе идеями. Только такіе евреи окажутъ вліяніе на реформу всего теперешняго быта еврейства, а вмѣстѣ съ тѣмъ послужатъ желательному устранинью вражды между массами еврейскими и христіанскими, признанными исторіей къ совмѣстному жительству. (Ред.)

милая себя передовую молодежь, дѣлая все усилия, чтобы отдѣлаться отъ своего народа, которая въ своемъ стремленіи быть только русскою, сдѣлалась plus royaliste que le roi и съ какимъ то наглымъ захватствомъ копирала все еврейское.

Когда въ прошломъ году въ Одессѣ распространился слухъ о Елисаветградскомъ погромѣ и страшная паника охватила евреевъ города Одессы, которые уже видали подобныя виды на своемъ вѣку, у нѣкоторыхъ изъ еврейской молодежи возникла мысль объ образованіи чего-то въ родѣ еврейской дружины для самозащиты. Само собой понятно, сколько трудностей должно встрѣчать образованіе подобной дружины, когда всякій шагъ надо дѣлать съ величайшею опаскою, когда нѣтъ никакой возможности собраться десятку человѣкъ безъ того, чтобы не привлечь на себя вниманія полиціи. Но все какъ наши мѣсто. Одна простая, совершенно безграмотная домохозяйка-еврейка уступила залъ для собраній. Собралось въ первый разъ человѣкъ 30, и рѣшили въ ближайшую субботу отправиться по всемъ синагогамъ, ободрять евреевъ, совершенно растерявшихся, и уговаривать ихъ не отдаваться грабителямъ, какъ связанныя бараны, а защищаться по мѣрѣ возможности. При этомъ же имѣлось въ виду указать евреямъ, что лучше всего было бы организовать вооруженныя, чѣмъ возможно, группы изъ здоровыхъ людей во всехъ кварталахъ. Эти группы должны быть постоянно наготовѣ и, въ случаѣ грабежа, защищать или свой кварталъ, если на него нападутъ, или же подать помощь ближайшему.

Если прихожане данной синагоги выразятъ согласіе на это предложеніе, то, полагалось, должны послать представителей въ собраніе. Кромѣ того, было рѣшено отпрравиться по всемъ еврейскимъ кабакамъ и лавочкамъ съ той же цѣлью.

Это было первое для образованной еврейской молодежи хожденіе въ свой народъ, вынужденное глубоко трагическимъ моментомъ. Я рѣшительно не въ состояніи передать того обаятельнаго впечатлѣнія, какое произвело на сѣрую массу евреевъ это «хожденіе».

Одна мысль о томъ, что о ней думаютъ люди хорошіе, образованные, на которыхъ она, масса, привыкла смотрѣть, какъ на свою гордость, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и какъ на нѣчто недостижимое, эта мысль возвысила ее, подняла въ ней совсѣмъ было уже унававшийся духъ, подняла сознаніе своего человѣческаго достоинства.

Милліоны горячихъ, изъ глубины души вырвавшихся и потоками слезъ прерываемыхъ благословеній сыпались повсюду на головы этихъ немногихъ избранныхъ, вспомиравшихъ наконецъ о своихъ братьяхъ. Да, вездѣ, рѣшительно вездѣ молодежь встрѣчала одинъ только горячія благословенія и — что еще важнѣе — абсолютное довѣріе и обѣщаніе дѣлать все, что она укажетъ. Особенно трогательны и поучительны были сцены въ синагогахъ, гдѣ нѣкоторыхъ ораторовъ съ восторгомъ обнимали и благодарили. Предо мною до сихъ поръ рисуется образъ одного почтеннаго, почти семидесятилѣтняго старца,

который послѣ произнесенныхъ мною ободрительныхъ словъ, подошелъ ко мнѣ, возложивъ дрожащія руки на мою голову для благословенія, но не могъ выговорить ни одного слова и залился слезами... Больше всего обаянія произвели тѣ, которые говорили на еврейскомъ жаргонѣ, особенно когда вставляли въ свою рѣчь библейскія или талмудическія изреченія. Что особенно поразило тѣхъ, которые въ первый разъ столкнулись съ своей массой, такъ это то обстоятельство, что наши слова, передаваясь десятками тысячъ устъ, не искажались и дошли до отдаленнѣйшихъ уголковъ города безъ замѣтныхъ даже вѣщанныхъ измѣненій. Случилось только одно недоразумѣніе. Такъ, въ одну синагогу явилось двое, изъ которыхъ одинъ почти не зналъ еврейскаго жаргона, а другой, хоть и зналъ его отлично, но, въ качествѣ пустаго фата, считалъ несообразнымъ со своимъ званіемъ студента говорить на немъ. Такъ какъ они говорили нерѣшительно, полусловами, не то русскими, не то еврейскими, и, кромѣ того, прежде чѣмъ заговорить, нѣсколько разъ входили и выходили изъ синагоги, то ихъ приняли за «нигилистовъ», которые, какъ тогда многіе думали, возбуждали христіанскую чернь противъ евреевъ*). Это привело въ великое смущеніе молящихся и синагогальный староста пригласилъ этихъ мнимыхъ нигилистовъ немедленно уйти, пригрозивъ, въ противномъ случаѣ, послать за полицейскимъ. Но, когда, вмѣсто этихъ неумѣлыхъ людей, явился другой и объяснилъ, въ чемъ дѣло, всѣ прихожане нагнулись на старосту за его грубый попустуокъ съ людьми, которые пришли съ доброй цѣлью.

Въ субботу послѣ обѣда на собраніе явилось множество представителей отъ рѣзниковъ, извозчиковъ, чернорабочихъ, рѣзчиковъ табаку, прикащиковъ и т. д. Всего собралось до ста-пятидесяти человѣкъ. Имъ было предложено планъ самозащиты. Кто возражалъ, кто дѣлалъ поправки, указывалъ на недостатки, предлагалъ другое. Все эти обсужденія велись въ величайшемъ порядкѣ, при чемъ высказалось много ума и пониманія. Еврейскіе студенты были поражены всею этимъ и все согласились, что ни одна студенческая сходка не ведется съ такимъ тактомъ, съ такимъ умомъ, а главное съ такимъ порядкомъ. При обсужденіи плана самозащиты явилось множество ослосженій, вслѣдствіе которыхъ дѣло не могло быть рѣшено однимъ разомъ, хотя засѣданіе и продолжалось часовъ десять. Слѣдующее засѣданіе не успѣло состояться — на другой день, въ воскресенье, «безпорядки» грянули. По всему городу между тѣмъ распространилась между евреями молва, что «студенты» образовали «комитетъ», куда записываются всѣ, желающіе стать въ ряды дружины для самозащиты. Эта молва заставила многихъ бѣдняковъ бѣгать по два и по три дня, чтобы отыскать этотъ комитетъ и записаться. Не смотря на то, что

*) «Народновольцами» дѣйствительно было издано на украинскомъ языкѣ воззваніе, побуждавшее къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ еврейскаго населенія, но это воззваніе появилось въ прошломъ году уже послѣ «погромовъ» и, кажется, не получило распространенія. (Ред.)

все почти евреи знали о намѣреніяхъ студентовъ, что студенты съ своей дружиной сдѣлались притчей во языцѣхъ, до полиціи не дошло ни одного слова объ этомъ, ни одного намека. Хотя никакого окончательнаго рѣшенія не состоялось относительно дружины, тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ частяхъ города все таки образовались проэктировавшіяся вооруженныя группы.

Когда нѣкоторые изъ нашихъ появились во время «безпорядковъ» въ такъ называемой «Шалатишѣ», части города, населенной преимущественно евреями*), къ намъ сейчасъ подошли вооруженные палками молодые люди со словами: «мы все исполнили, какъ сказалъ комитетъ». Дѣйствительно эти молодцы блестяще исполнили свое дѣло и 3 раза храбро отразили нападавшую толпу въ сто и двѣсти человѣкъ. Особенно одинъ своей необычайной храбростью, поражающъ всѣхъ. Такъ, въ главѣ одной толпы нападающихъ явился какой-то семинаристъ, который своимъ неистовствомъ особенно возбуждалъ своихъ. Упомянутый выше еврей одинъ бросился въ середину громадной толпы, схватилъ семинариста, здоровеннаго дѣтину, и кинулъ о землю. Въ это время какой-то грекъ вопилъ еврею ножъ въ руку, выше локтя. Не вынимая даже ножа изъ своей руки, этотъ кинулся на грека, а потомъ и на другихъ. Благодаря подобнымъ храбрецамъ, весь этотъ кварталъ пострадалъ только десяткомъ выбитыхъ стеколъ. Если бы полиція не арестовывала систематически всѣхъ, не только защищавшихся, до даже приготавливавшихся къ защитѣ евреевъ, многіе кварталы были бы такимъ образомъ ограждены. Но извѣстно, какъ возмутительно подло поступила полиція съ защитниками, подвергая ихъ сѣченію еще болѣе жестокому, чѣмъ раззорителей, и держа ихъ по нѣсколько дней безъ пищи и одежды на баржахъ.

Въ одной стычкѣ было арестовано нѣсколько евреевъ-студентовъ. Когда ихъ, избитыхъ и окровавленныхъ, привели въ участокъ и ввели въ темную камору, тамъ уже было около семидесяти евреевъ. Увидѣвъ студентовъ, они немедленно разступились, предоставивъ имъ лучшія мѣста. За израненными ухаживали съ материнскою заботливостью, удерживались всеи силами отъ всякаго шума и движенія, чтобы не беспокоить больныхъ, удерживались даже отъ исполненія естественныхъ нуждъ, чтобы не испортить воздуха.

Все захваченные евреи-защитники были судимы, и ни одинъ изъ нихъ ни единымъ словомъ не проговорился на судѣ относительно комитета. И дѣло, которое было извѣстно почти восьмидесяти тысячамъ евреевъ, осталось совершенной тайной для всезнающей полиціи и жандармовъ, которые въ это время съ особенной юркостію шныряли кругомъ. Да, ни одинъ изъ евреевъ-студентовъ, которые въ роковую минуту опасности вспомнили свой долгъ по отношенію къ своему меньшему брату, не имѣлъ повода раскаться, и все вынесли много поучительнаго изъ этого

*) Въ эту часть города входятъ: части Большой и Малой Арнаутской, Рыбной, Екатерининской, Александровскаго проспекта, вся Рѣзничная и еще какой-то переулокъ, котораго названіе забылъ.

первого шага сближения со своим народом. Многие чувствовали себя, словно покинутый ребенок, который, после долгих скитаний по чужим домам, вдруг нашел свою мать...

Другие и еще более поучительные факты сообщу в следующем письме.

М.

САМОПОЖИРАНИЕ КАПИТАЛОВЪ.

(Письмо в редакцию).

Современное общество видит для себя величайшую опасность в социализме и социальной революции; действительно, социалисты теоретически проповедают необходимость разрушения существующего государственного и экономического строя, социалисты же практически делают работу над его разрушением или по крайней мере громко заявляют о своем намерении это делать.

Борьба между охранителями и разрушителями современного строя считается главным содержанием новейшей истории. Не отрицая здесь основательности этого мнения, я позволю себе только заметить, что ты и другие больше частью преувеличивают значение усилий социализма и степень опасности, грозящей от него обществу в настоящую историческую эпоху.

В середине XIX века, социализм сделал несомненно изумительные успехи. За этот период времени, он вышел из области филантропической утонки и принял форму научной системы, социалистические идеи глубоко проникли в рабочие классы главных западно-европейских центров и послужили почти в каждой стране основанием организации особой партии, с которой принуждены считаться прежние чисто политические партии и даже сами правительства. В то же время, однако, распространение благосостояния на низшие слои средних классов, дробление поземельной собственности (особенно во Франции, Италии и некоторых частях Германии) и превращение сельских рабочих в собственников земли или обрабатываемой (в южной Германии и некоторых королевств Австрии, в России, Румынии, наконец, с 1878 г. в Болгарии, Восточной Румелии и Новой Сербии*) — значительно увеличили и ряды защитников собственности и вообще существующего общественного строя. Как ни возросли, поэтому, силы городского пролетариата, но он все еще слишком слаб, чтобы социалисты могли отважиться на открытую борьбу, в которой бы они имели против себя не только имущие классы и зависящие от них правительства, но и самый многочисленный рабочий класс — крестьянство. Даже потерпевшие поражение социалисты не считают такую борьбу возможной в настоящее время, а желают захвата в свои руки централизованной государственной власти, дабы, пользуясь ее средствами, провести в жизнь свои идеи. Впрочем, примѣры парижской и карагенской коммуны показывают, что

и там, где социалисты захватывают власть, они не рѣшаются прямо произвести социальное переустройство, а делают «уступки обстоятельствам», которые лишают их политику всякого социалистического характера и отнимают у постороннего наблюдателя возможность судить о применении на деле их теории.

Более благоразумные между ними ограничиваются повсюду приготовлениями к борьбе, посредством развития и распространения своих учений и организации своих сил. Самые дальновидные ожидают торжества социализма не столько от насильственного испровержения капиталистического строя, сколько от его внутреннего саморазложения. Они понимают, что их могущественнейший союзник — самый крупный капитал.

Карл Маркс, этот величайший теоретик социализма, в своей «Критике капитала», превосходно изобразил борьбу крупного капитала с мелкою собственностью, наследственной и приобретенною, исход которой он видел в поглощении последней первым; он указал также и на вторичный фазис эволюции — борьбу самого крупного капитала с менее крупным.

Если не все выводы Маркса и не повсюду подтвердились событиями, то все таки ему принадлежит заслуга указания на главные опасности, угрожающие обществу, лучше и яснее, нежели это сделали большинство защитников оного. Мне кажется, тем не менее, что есть еще один вид междукapитальной борьбы, который никак еще не был оценен, как он этого заслуживает, хотя влияние этого вида борьбы для нас всех более заметно и ощутительно. Я говорю о борьбе капитала, основанного преимущественно на спекуляции и нередко чисто фиктивного, с капиталом, имеющим реальное основание.

Чрезвычайное усиление производительности и накопление богатств в передовых промышленных и торговых странах Европы во второй половине нашего века привели к стремительно быстрому обращению капитала и небывалому развитию кредита, которые сделали возможным спекуляцию, не только на ценностях сомнительных, но даже и совершенно мнимых. Биржа стала вертепом азартной игры, где каждому свободно пускать в ход помеченные карты и где минутный успех выдвигает от времени до времени своего рода героев, которые, подобно алхимикам, создают богатства из ничего, внезапно наживаются сами и доставляют другим громадные состояния, — выйдя из грязи, достигают высшего ступени общественной лестницы, ворочают мировыми событиями, располагают судьбами народов и — новые Наполеоны — рано или поздно встречают свое Ватерлоо, в котором погибают не только участники их деятельности и наживы, но и бездна невинных жертв; за мгновение блеснувшими и исчезающими метеорами остается глубокий след разрушения: немногие сохраняют случайно добытые богатства, тогда как тысячи и тысячи теряют трудом добытой жизни

накопленное обезпечение своей старости или будущности семейства, — промышленность и торговля временно приостанавливаются и, в конце концов, кризис тяжелее всего падает на совершенно непомощных, которые лишаются возможности даже заработать кусок хлеба. Мираж внезапного обогащения и действительность полного разорения одинаково деморализуют современное общество; быстрое перемещение капиталов и изменение условий жизни дезорганизуют его, потрясают крепость общественных и государственных устоев и открывают возможность печальным и решительным переворотам.

Опыт частых кризисов открыл несколько глаз обществу на опасности блестящих предприятий и внушил к ним недоверие, которое было бы спасительным, если бы, в то же время, затруднения, встречаемые спекуляцией, не поощрили изобретательности биржевых гениев. Предприятия en grand сделали невозможными без связи с политикой, и спекуляция лигды не берет более своего полного полета, не опираясь на содействие местного или иностранного правительства. Но вместо того, чтобы государственная власть умбрала и регулировала биржевую деятельность, она сама приходит от неси в зависимость: политические предприятия сопровождаются спекуляцией или даже направляются и вызываются ею.

Заручившись таким образом сообщничеством правительств, великие основатели (die grossen Gründer) искусства прежнего развешивают сети обществу. Они не довольствуются более призывами к жажды наслаждений и желанию легкой наживы, а вызывают к правительственным стремлениям нашего времени. Так, выходящие из немецко-еврейского лагеря Оффенгеймы, Струсберги и tutti quanti хотят служить германским и германизаторским интересам и в самом деле служат им, разоряя немецкую население, среди которых они действуют, еще более, чем своих первоначальных вкладчиков из соотечественников. Еще блестяще подвизались спекуляторы с ультрамонтанским знаменем, подобно Лангран-Дюмонсо (Langrand Dumonceau) и нашему знаменитому современнику Бонту (Bontoux).

Недавнее издание «Union Générale» вызвало безчисленное множество статей в печати и комментарий в публичных, но было бы весьма ошибочно думать, что нам известны все итоги этого «краха», или даже то, что он уже имел все свои последствия. Напротив, каждый день доходит до нас новые сведения, и значение краха возрастает перед нашими глазами.

Со временем римских юбилеев и продаж индульгенций никогда еще не было такой полной, всеобщей эксплуатации чужой собственности, какую мы видим здесь перед нами. Монастыри и конгрегации, епископы, в окружающих посланиях приглашают наставу принять участие в богоугодном и в то же время вѣрно прибыльном деле, вся католическая аристократия континента Европы, владѣтельные дома и сама глава католического мира, — все были сое-

*) То же самое готовится нынѣ в Ирландии и в недалеком времени станет на очереди и в самой Англии.

динены г. Бонту въ священнѣй союзъ «христіанскихъ» капиталовъ, противъ либерализма и узурпаціи, ереси и цевѣрія. Неудача крестовыхъ походовъ, долженствовавшихъ обезпечить за участниками царствіе небесное и доставить пмъ царствіе земное, — едва равняется поражению ультрамонтанской и вообще легитимистской Европы крахомъ г. Бонту. Правда, глава католичества, своевременно продажею своихъ акцій (всего за 2 недѣли до катастрофы), успѣлъ спасти значительную часть своего состоянія и свою непогрѣшимость въ глазахъ своихъ послѣдователей, по эти послѣдніе жестоко поплатились за свою вѣру или, лучше сказать, до вѣрчивость. Претенденты на французскій (гр. Шамборъ), испанскій (Донъ Карлосъ), неаполитанскій и другіе итальянскіе троны потеряли такъ много, что должны будутъ надолго, если не навсегда, отказаться отъ всякой агитаціи въ прежнихъ владѣніяхъ своего дома; вмѣстѣ съ ними является раззоренною и аристократія этихъ странъ и вообще легитимистско-клерикальная партія на Западѣ. Сущестующій тамъ режимъ, т. е. республика и конституціонная монархія, несомнѣнно выигрываютъ отъ этого, и пользованіе властью утверждается въ рукахъ либеральной буржуазіи, которая отнынѣ еще болѣе, чѣмъ прежде, должна будетъ выдерживать, съ одной стороны, нападенія социализма, съ другой — соблазны спекуляціи.

Но есть серьезныя причины думать, что сдѣлавшіяся намъ извѣстными явленія — только часть всѣхъ послѣдствій краха. Г. Бонту — какъ это извѣстно всѣмъ, имѣвшимъ съ нимъ личныя или дѣловыя отношенія, — придавалъ, особенно въ послѣдніе годы, очень много значенія своимъ предпріятіямъ въ западной Европѣ; онъ искалъ въ нихъ скорѣе только средствъ для открытія себѣ и для завоеванія Востока. Какъ и другіе геніи, завоеватели по природѣ, Бонту считалъ Востокъ самою желанною добычею, и экономическое завоеваніе его, — не та мизерная эксплуатація, которую Востокъ выноситъ уже нѣсколько столѣтій, а эксплуатація грандіозная, систематическая, эксплуатація à fond, — вотъ что было мечтою отважнаго финансиста.

Освободительная война 1877 — 78 гг. и еще болѣе берлинскій трактатъ, случившійся какъ бы нарочно въ его интересъ, позволилъ наконецъ Бонту приступить къ осуществленію уже давно выработаннаго имъ плана, и онъ скоро нашелъ себѣ могущественныхъ союзниковъ. Одновременно съ нимъ, завоеваніе Востока было предпринято еще съ двухъ сторонъ: папою римскимъ и императоромъ австрійскимъ. Различіе предметовъ завоеванія и потребности во взаимной помощи соединило ихъ троны въ общемъ дѣйствіи; раздѣлъ завоеванія не могъ представить затрудненія: души — папѣ, провинціи — цесарю, а деньги — Бонту.

«Union Générale» была основана въ 1878 г., наканунѣ берлинскаго конгресса; въ 1879 г. былъ заключенъ австро-германскій союзъ, введена католическая іерархія въ Боснію-Герцеговину и дано позволеніе на основаніе въ Вѣнѣ «банка австрійскихъ земель» (öster. Länder-Bank); въ 1880 г. этотъ банкъ от-

крылъ свои дѣйствія ссудою австрійскому правительству 300,000 гульд. для секретнаго фонда, а давленіемъ Австріи въ Бѣлградѣ сербская желѣзная дорога отдана Бонту, изъ Рима же были посланы іезуитскіе мисіи въ Боснію, Албанію и Македонію; въ 1881 г. были совершены всѣ приготовления для движенія на Салоникки: цѣлыя округа македонскихъ болгаръ сманены перейти въ католичество и поставить себя подъ защиту Австріи; предпріятыя агитація въ пользу уніи въ Босніи-Герцеговинѣ и рѣшено ввести тамъ военную повинность, какъ первый шагъ присоединенія. Душою всѣхъ приготовленій миссіонерскихъ, какъ и военныхъ, былъ Бонту: онъ не переставалъ побуждать къ наступленію на всей линіи. Когда императоръ австрійскій ссылаясь на недостатокъ средствъ и на затрудненіе получить ихъ отъ делегацій, Бонту говорилъ ему: «Sire, voulez-vous 100 millions, en voulez-vous 200?» и осмѣливался прибавлять: «Coûte que coûte, je vous conduirai à Salonique».

Два нежданнаго обстоятельства остановили движеніе: сопротивленіе Герцеговинцевъ и паденіе «Union Générale».

Но Бонту не измѣнилъ себѣ и въ несчастіи: его мѣры были такъ хорошо приняты, что при первомъ извѣстіи о банкротствѣ парижскаго банка вѣнскій объявилъ, что не имѣетъ и никогда не имѣлъ съ нимъ никакихъ дѣлъ. Какъ слышно, французскіе слѣдователи, посланные въ Вѣну для выясненія отношеній, существовавшихъ между двумя предпріятіями Бонту, пришли къ противоположному убѣжденію. Но удастся ли имъ собрать непреложныя доказательства при всеобщемъ противодѣйствіи, которое они встрѣчаютъ въ Вѣнѣ, да и могутъ ли превозмочь успія отдѣльныхъ лицъ, хотя бы и судейскаго званія, когда правительство одной изъ великихъ державъ и значительная часть общества заинтересованы въ безрезультатномъ исходѣ слѣдствія?

«Заинтересованы» — слишкомъ слабое выраженіе, чтобъ обозначить завѣсность, въ которой вся габсбургская монархія находится въ настоящую минуту отъ поддержанія кредита Лендербанка. Всѣ австрійцы или, если хотите, австро-венгерцы (за исключеніемъ жителей Богеміи), къ какой бы національности они ни принадлежали, — страстные игроки; лихорадочная игра во всѣхъ ея видахъ, — карточные, всевозможныя лотереи, правительственныя и частныя, биржевая спекуляція и столь же лихорадочная гоньба за удовольствіями — вотъ главное занятіе ихъ и главная цѣль жизни. Прибавьте къ этому, что именныя круги, пользующіеся рѣшающимъ вліяніемъ — дворъ, высшее дворянство (опять исключая богемскихъ вельможъ) и высшая администрація — всѣ состоятъ изъ людей, проигравшихся или прожившихся. Какъ имъ было не вѣрить, когда краснорѣчивые спекулянты объявили имъ, что у нихъ кладъ подъ бокомъ, что они всѣ могутъ обогатиться безъ всякаго труда — стоитъ только по-вѣрить свои утлые остатки Бонту и взять акціи Лендербанка. Между ними лица самыя уважаемыя въ странѣ и самыя высокопоставленныя; крахъ Лендербанка выведетъ всѣхъ

и все наружу; крахъ будетъ удвоенъ небывалымъ скандаломъ...

Лендербанкъ пока еще не тронуть, онъ продолжаетъ удовлетворять своимъ обязательствамъ, воздерживаясь только отъ крупныхъ операцій; но онъ, конечно, совершенно не въ состояніи выполнить обѣщанія своего основателя вѣнскому двору. Не только онъ не можетъ выдать сотню-другую милліоновъ, но даже затрудняется сдѣлать авансъ въ 2 милліона на мѣсто вычеркнутыхъ делегаціями. А между тѣмъ дѣло уже не въ маршѣ на Салоникки, не въ завоеваніи Востока, а въ удержаніи занятыхъ позицій въ Босніи и Герцеговинѣ. Въ финансовомъ отношеніи идущая тамъ борьба такъ же не равна, какъ и въ военномъ, только на оборотъ: если силы австрійской арміи превосходятъ въ двадцать разъ или болѣе силы усташей, то и стоимость войны для Австріи превосходитъ во сто разъ то, что она можетъ стоить герцеговинцамъ. Всѣхъ милліоновъ, обѣщанныхъ Бонту, едва ли стало бы на дѣйствительное покореніе этой маленькой землицы, владѣніе которой никогда не вознаградитъ и сотой доли потраченныхъ средствъ.

Что-же придется дѣлать всѣмъ, разсчитывавшимъ на богатства Востока?...

Но мнѣ пора оставить Лендербанкъ, Бонту и римско-вѣнскія спекуляціи; я хотѣлъ только привести примѣры самопожиранія капиталовъ путемъ спекуляціи вообще и биржевой игры въ частности. Кто защититъ, спасетъ общество отъ спекуляціи? Правительства? Но если они сами увлечены ею и служатъ ея цѣлямъ?

Примите и проч.

Вѣна, 7 Мая.

Г— евъ.

Р. S. Я слышу изъ Россіи, что у насъ спекуляція начинаетъ соединяться съ политикой; говорятъ о какихъ то предпріятіяхъ въ русско-славянско-православномъ духѣ. Желаю имъ лучшаго успѣха, чѣмъ имѣли до сихъ поръ предпріятія съ нравственными цѣлями въ западной Европѣ; но меня безпокоятъ слухи о намѣреніи Бонту и его друзей перенести центръ своей дѣятельности въ Россію.

ПИСЬМА О ПОЛИТИКО-СОЦІАЛЬНЫХЪ ПАРТІЯХЪ ВО ФРАНЦІИ.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова».)

I.

Русская публика, слѣдящая за общественной жизнью во Франціи по русскимъ газетамъ, нерѣдко впадаетъ въ крайнія заблужденія при оцѣнкѣ какъ общественныхъ явленій, такъ равно и политическихъ дѣятелей Франціи. И нужно сказать правду, что болѣе всего способствуютъ этому, такъ называемые, либеральные органы русской ежедневной печати, конечно, совершенно неумышленно.

Эти газеты развиваютъ на своихъ столбцахъ мысли о необходимости мѣстнаго самоуправленія, хотя вскользь, шопотомъ, но всежъ таки время отъ времени заикаются о разныхъ политическихъ свободахъ, — и въ то же самое время, на тѣхъ же столбцахъ,

окрепчиваютъ автопомическое движеніе во Франціи сатапинскимъ изобрѣтеніемъ кроваваго коммунарства, называютъ желаніе парижскаго муниципалитета самому распоряжаться своими деньгами — ребячествомъ и интригой радикаловъ!

Причины такой непослѣдовательности лежатъ, во первыхъ, въ томъ, что русскіе журналисты не всегда ясно представляютъ себѣ явленія французской жизни въ ихъ настоящемъ смыслѣ (такъ, напр., русскіе обыкновенно переводятъ слово *la commune* непосредственно словомъ коммуна въ смыслѣ коммунизма и, потому, не понимаютъ дѣйствительнаго значенія коммунистическаго движенія въ Парижѣ въ 1871 г. и теперь), — а также въ томъ, что, соблазненные репутацией многихъ республиканскихъ именъ во Франціи (въ родѣ Гамбетты), русскіе писатели слишкомъ доверяются имъ и не смѣютъ относиться къ ихъ идеямъ съ должной критикой.

Особенная трудность для пониманія настоящаго положенія Франціи и ея партій происходитъ отъ того, что въ настоящее время, когда въ странѣ этой окончательно восторжествовала въ принципѣ республика, — которую большая часть людей привыкла отождествлять съ свободой, — подробности общественнаго строя далеко не приложены къ этому принципу, и, мало того, сами республиканскія партіи далеко не все расположены къ принятію на практикѣ всѣхъ логическихъ послѣдствій этого принципа.

Республика, т. е. заведеніе самимъ населеніемъ своими дѣлами, — есть прежде всего свобода отдѣльныхъ лицъ и группъ, потомъ автономія всѣхъ частей націи или государства (общинъ, провинцій) и, наконецъ, уже самоуправленіе цѣлаго государства. Вотъ почему Прудонъ былъ правъ, когда сказалъ, что «кто говоритъ: республика, — тотъ говоритъ федерация, или не говоритъ ничего».

Между тѣмъ вѣковая исторія Франціи приучила ея политиковъ всѣхъ партій не столько къ идеѣ свободы и самоуправленія, федерации, сколько къ идеѣ власти, централизации. Вопросъ о томъ, какъ отдѣлаться отъ этой послѣдней идеи и порожденныхъ ею учреждений и привычекъ, въ сущности противныхъ принципу республики, — и составляетъ въ настоящее время самый существенный вопросъ во Франціи. Около него вертятся, каждая по своему, всѣ политическо-соціальныя партіи во Франціи.

Мы рассмотримъ въ нашихъ письмахъ положеніе этихъ партій по отношенію къ этому вопросу, — а теперь бросимъ взглядъ въ недавнѣе прошлое и посмотримъ, какъ разныя партіи стали лицомъ къ лицу съ этимъ вопросомъ.

Благодаря вѣковой централизациі во Франціи, гдѣ Парижъ былъ все, всему голова, гдѣ задавленные провинціи не могли «держатъ имѣть своего сужденія», а должны были сообразоваться съ ужимками и прыжками преемника, суперфекта и всей начальствующей челяди, посаженной центральной властью, люди даже прогрессивныхъ идей, какъ республиканцы, на которыхъ болѣе всего обрушивался централистическо-монар-

хическій режимъ, сосредоточили всю силу своей пропаганды въ Парижѣ, игнорируя вполнѣ провинціи. Республиканцы, повторившіе на всѣ лады «*Suffrage universel comme organe du peuple souverain*», упустили изъ виду одно соображеніе, — а именно, что «*peuple souverain*» раскинутъ по всѣмъ захолустьямъ французской территоріи. Имъ казалось, что «*peuple souverain*» живетъ исключительно въ Парижѣ; самые радикальные допускали еще колебанія относительно Ліона и Марселя.

Попятно, что при такихъ условіяхъ и французская республика, разъ установившись, неминуемо должна была очутиться въ рукахъ той же монархической реакціи, которая владѣла всей Франціей.

Испуганные этой перспективой, республиканцы однимъ ударомъ думали поправить свою вѣковую ошибку:

Въ 1871 г. они отреклись отъ забытыхъ ими же провинцій и въ то же время они подняли въ Парижѣ знамя общиннаго (коммунальнаго) самоуправленія.

Дорого обошлась въ 1871 г. республиканцамъ ихъ забывчивость....

Перепуганная въ свою очередь реакціи, отчасти возлагая надежды на будущее, а отчасти — на своихъ представителей, напавшихъ на себя республиканскія тоги, примирилась съ идеей о переименованіи своего отечества въ республику, подъ условіемъ: создать такое охранительное учрежденіе, какъ Сенатъ, откуда дряхлые приверженцы монархическаго принципа зорко слѣдили бы за сохраненіемъ *statu quo* государственныхъ учреждений и законовъ.

Монархистамъ, привыкшимъ во время Наполеона III смотрѣть на «*Suffrage universel*», какъ на забаву, казалось, что при такихъ условіяхъ, заправляя государственнымъ рулемъ, имъ удастся держать подъ спудомъ политическую свободу, необходимую для прогрессивнаго движенія націи. Республиканцы проученные горькимъ опытомъ, ухватились за *suffrage universel*, какъ за спасительный легальный якорь и, одной рукой пробуждали провинціи отъ латентнаго сна, другой — опровергивали реакцію и сами стали хозяевами государственной машины.

Но республиканцамъ, до мозга костей пропитаннымъ централистическимъ якобинизмомъ, жалъ стало раззорять государственную машину и, смотря на нее умилненнымъ взоромъ, они начали вертѣть ее въ своихъ рукахъ. Между тѣмъ страна, благодаря борьбѣ партій, призванная къ общественнымъ дѣламъ, начала требовать перестройки государственнаго механизма; — ей хотѣлось говорить, писать и громко обсуждать свои общественныя дѣла.

Республиканцы, отцы которыхъ сняли голову съ плечъ Людовика XVI, республиканцы, своими конституціями угнавшіе Наполеона III подъ Седагъ, очень хорошо понимали, что политическая свобода есть одушина, гарантирующая государство отъ кровавыхъ катаклизмовъ. Они знали, что съ политической свободой всякіе заговоры и конспираціи теряютъ свой *raison d'être*. Но они догадывались также, что политическая

свобода, вытекающая непосредственно изъ органическихъ законовъ страны, имѣетъ своимъ непремѣннымъ послѣдствіемъ ослабленіе центральной власти.

Они очень хорошо понимали, что при извѣстномъ развитіи общественной жизни, провинціальныя центры и захолустья предъявлять столичной власти свои права на самоуправленіе. И это послѣднее обстоятельство ихъ, якобинцевъ, болѣе смущало.

Какъ! они, послѣдователи великой революціи, послѣ вѣковой борьбы съ монархической властью, они, цвѣтъ интеллигенціи, взявшие на себя бремя декретировать благо народу, должны раздѣлить свою власть съ темными захолустьями и съ забытыми провинціями!... Нѣтъ! Съ этимъ хозяева республики не могли помириться.

Такимъ образомъ, господствующая республиканская партія очутилась между своими реакціонными принципами якобинизма, съ одной стороны, и либеральными тенденціями политической свободы, съ другой.

Чтобы примирить этотъ непримиримый разладъ, часть ихъ, по крайней мѣрѣ, рѣшила сохранить унаслѣдованные отъ монархіи государственныя учрежденія и законы, гарантирующіе имъ, якобы, цѣлостъ центральной государственной машины. Но, вмѣстѣ съ этимъ, во избѣжаніе революціоннаго взрыва, они рѣшили допустить въ практикѣ весьма широкую терпимость къ проявленіямъ новой жизни, не укладывающимся въ рамки старыхъ законовъ и учреждений, — допустить свободу слова, прессы, сходокъ и даже отчасти свободы ассоціацій, страшной для тепперанскихъ господъ Франціи, такъ какъ этой свободой могутъ пользоваться реакціонеры — клерикалы, какъ и прогрессивисты — социалисты.

И эта терпимость была уже огромный шагъ впередъ для Франціи. Писанные законы человеческого общежитія данной страны разрушаются и создаются цѣлымъ обществомъ, но не кучкой, хотя бы самыхъ лучшихъ народныхъ благодѣтелей, проливающихъ свѣтъ по своему усмотрѣнію. Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе Жюль Ферри, нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія, высказанное имъ въ 1865 году: «*Il n'y a qu'une manière d'être libre, c'est de le vouloir. La liberté se prend, mais ne se mendie pas!*»

Разъ правительство, одаренное извѣстнымъ чутьемъ, подъ напоромъ общественныхъ явленій, отказывается примѣнять существующіе законы къ современному ему чело вѣческому общежитію, разъ оно считаетъ нужнымъ и необходимымъ къ общественнымъ явленіямъ страны относиться толерантно, то можно сказать въ такомъ случаѣ, что дѣйствующіе законы сдаются въ архивъ древностей, на мѣсто же ихъ общество начало вырабатывать эволюціоннымъ путемъ новые законы, болѣе соответствующіе новымъ условіямъ страны.

Бываютъ, правда, и обратные случаи въ жизни народовъ, когда перепуганная центральная власть, думая повернуть историческій руль и дать задній ходъ, теряетъ голову и начинаетъ рыться въ законодательныхъ покрытыхъ плесенью архивахъ

для отыскания своего спасения, но подобная неблагодарная работа не всегда служит к его пользе. Французские республиканцы-централисты стоят отчасти в таком положении.

Эти централисты, вынужденные предоставить народу средства для развития общественной жизни и, в тоже время, пайды «*орпортун*» упираться против непрелюбимого результата принципа республиканской свободы, — против местного самоуправления, которое одно только способно призвать все силы граждан для улучшения общественных условий данной местности, — эти самые оппортунисты заострили борьбу свою с двумя политическими партиями, — партией радикалов, которые должны были признать принцип автономии муниципалитетов, как гарантию дальнейшего развития политической свободы, и с рабочей партией, которая добивается коммунальной свободы, как средства для практического приступа к улучшению своего материального положения.

На этих двух партиях мы остановимся и проследим, как значение политической свободы для прогрессивного хода Франции, а также и борьбу этих двух партий с централизмом.

Мы стараемся также рассмотреть более или менее объективно и борьбу этих двух партий между собою и между фракциями их.

ХРОНИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ*).

Аграрный вопрос в Ирландии.

Мы присоединяемся при новом фазисе многовековой борьбы ирландцев за свое национальное и экономическое освобождение. Еще несколько дней тому назад можно было думать, что политик примирения министерства Гладстона действительно удастся сдѣлаться тѣм паллиативным средством, которое хотъ на время установить на несчастномъ островѣ состояніе относительнаго спокойствія. Но едва успѣлъ выйти въ отставку суровый исполнитель *Coercion Act'a*, Форстеръ, едва двери кильменгамской тюрьмы растворились передъ «некоронованнымъ королемъ Ирландіи», Парнелемъ, и двумя его товарищами, — какъ въ отвѣтъ на это, въ Феникс-Паркѣ, въ Дублинѣ, подъ кинжалами ирландскихъ террористовъ пали лордъ Кэвендишъ, новый государственный секретарь для Ирландіи, и помощникъ его, мистеръ Буркъ...

Событія принимаютъ такой неожиданный оборотъ, что дальнѣйшій ходъ ихъ весьма трудно предвидѣть. Одно только ясно: нарывъ, нарывающій въ продолженіе шести вѣковъ, такъ или иначе долженъ лопнуть, и время это, повидимому, близко. Вопросы, затронуемые ирландскимъ аграрнымъ движениемъ, имѣютъ мировое значеніе; помимо нравственнаго интереса и сочувствія, воз-

буждаемаго во всякомъ живомъ человѣкѣ при видѣ борьбы побѣжденнаго народа съ побѣдителями, они поучительны для каждой страны, для каждой дѣйствующей партіи — и разсмотрѣнію ихъ мы должны, конечно, удѣлить значительное мѣсто, подробно слѣдя за всѣми перипетіями событій.

Чтобъ ясно понять современное положеніе дѣлъ въ Ирландіи, необходимо познакомиться съ его генезисомъ, т. е. бросить хоть бѣглый взглядъ на исторію лэндлордизма и фермерства, что мы и попытаемся сдѣлать, руководствуясь превосходнымъ, только что вышедшимъ въ свѣтъ сочиненіемъ профессора Paul Fournier (*La question agraire en Irlande. Paris. 1882*), который былъ посланъ въ Ирландію французскимъ министромъ народнаго просвѣщенія для изученія вопроса на мѣстѣ.

Ирландія, непосредственно передъ завоеваніемъ ея англичанами, находилась въ состояніи переходномъ отъ племеннаго устройства къ феодализму. Выборные вожди отдѣльных племенъ (*sept*) успѣли захватить въ личную собственность значительную часть общинныхъ земель, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическую власть. Но извѣстная доля земли оставалась еще коллективной собственностью «свободныхъ людей» *септа* или племени. Существовалъ также классъ безправныхъ пролетаріевъ, *outlaw'овъ* — пришельцевъ и *fuidir'овъ* — военнопленныхъ, но классъ этотъ былъ сравнительно немногочисленный — между прочимъ потому, что потомки *outlaw'овъ* и *fuidir'овъ* уже въ третьемъ поколѣніи становились, по обычаямъ страны, свободными и полноправными членами *септа*. Все подати, налоги и арендная плата выплачивались натурой, а отношенія между народомъ и его вождями отличались патриархальностью, въ значительной степени ограничивавшей политическую власть вождей. Вождь поручалъ фермеру-арендатору воспитаніе своихъ дѣтей, находился съ нимъ въ постоянномъ общеніи, ѣлъ за однимъ съ нимъ столомъ. Одинъ англійскій оруженосецъ (*ссуер*) разсказалъ извѣстному французскому лѣтописцу Фруассару, какъ его поразила фамиліарность, съ котораго четыре ирландскіе «короля», посѣтившіе дворъ Ричарда II, обращались со своими служителями и менестрелями; они ѣли съ ними изъ одной миски и пили изъ одной чаши и говорили, что таковъ обычай ихъ страны: «за исключеніемъ постели у нихъ все было общее».

Въ самобытное теченіе народнои жизни ирландцевъ вдругъ силою врывается дикій потокъ завоеванія. Чуждая раса, не понимающая ни духа народа, ни традиционныхъ его обычаевъ, желѣзной рукой начинаетъ навязывать цѣлой націи свое устройство — феодализмъ. Какъ всегда, такъ и тутъ насиліе совершалось во имя насажденія какой-то «цивилизациі». Англичане, забывавъ или не понимая силы и значенія національных обычаевъ, ограничивавшихъ, какъ мы видѣли, власть ирландскихъ вождей, считали низшіе классы Ирландіи находящимися въ состояніи самаго крайняго порабожденія и навивно воображали себя чуть-ли не ихъ освободителями. Съ другой стороны, ир-

ландцы, какъ всякій покоренный народъ, совсѣмъ не были склонны благодарить побѣдителей и нахсдили, что имъ гораздо лучше оставаться въ своемъ родномъ варварствѣ, чѣмъ быть цивилизованными чужой, далеко не отеческой рукой. Побѣдители, насаждая цивилизацию, вводили феодализмъ — прикрѣпляли крестьянъ къ землѣ, конфисковывали частную и общественную поземельную собственность, учреждали майораты, замѣняли плату натурой — денежной арендной платой. Конечной цѣлью для англичанъ со временъ Елизаветы и Кромвеля было сдѣлать Ирландію — англійской; но ирландцы упорно оставались ирландцами и даже поглощали въ свою національность посланныхъ для обангличиванія ихъ лордовъ: англійскій лордъ часто превращался черезъ нѣкоторое время въ ирландскаго вождя, но ирландскій вождь, не смотря ни на какія обольщенія или угрозы, никогда не соглашался сдѣлаться англійскимъ лордомъ.

Пропасть, раздѣлявшая оба народа, стала скоро еще глубже, благодаря религіознымъ преслѣдованіямъ. Гоненіе на католицизмъ и новая конфискація земель подъ религіознымъ предлогомъ привели, наконецъ, къ тому, что ирландцы въ своемъ отечествѣ обратились въ классъ людей, лишенныхъ собственности и всякихъ правъ, отданныхъ на полный произволъ чужеземной протестантской олигархіи. Въ XVIII столѣтіи огромное большинство ирландскихъ земель принадлежало англичанамъ, жившимъ въ Англіи и управлявшимъ издавна своими ирландскими помѣстьями при посредствѣ аличныхъ и жестокихъ *middlemen'овъ* или прикащиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ промышленность Ирландіи была окончательно убита рядомъ законовъ, изданныхъ специально для этой цѣли англичанами. Такимъ образомъ, земля, монополизированная побѣдителями, осталась для ирландцевъ единственнымъ источникомъ существованія. Понятно, что, какія бы условія аренды ни ставились лэндлордами или ихъ *middlemen'ами*, — арендаторы всегда находились. «Арендаторы, говоритъ знаменитый сатирикъ Свифтъ, уплачиваютъ всякое новое увеличеніе ренты своею кровью, пищей, одеждой, хижинами; живутъ они хуже послѣдняго англійскаго нищаго».

Когда нищета доходитъ до крайнихъ предѣловъ, когда общество не обезпечиваетъ правъ своихъ членовъ, не даетъ имъ необходимой защиты, то обездоленные начинаютъ защищать себя сами. То, что дѣлалось и дѣлается въ цѣломъ мірѣ, то дѣлалось и въ Ирландіи. Встоду образовывались тайныя общества, угрожавшія жизни и собственности землевладѣльцевъ и чинившія надъ ними рядъ кровавыхъ расправъ — аграрныхъ преступленій. Убийцы и конспираторы поддерживались нравственнымъ сочувствіемъ всего населенія. Легко-ли подавить такое сопротивленіе?

Середина XVIII столѣтія можетъ считаться кульминационнымъ пунктомъ порабожденія, до котораго англійское управленіе довело ирландцевъ. Поруганные въ своей вѣрѣ, не имѣя ни правъ отца семейства,

*) Съ настоящаго №-ра веденіе хроникъ рабочаго движенія въ Западной Европѣ переходитъ отъ г. П. Аксельрода къ другому лицу. Заявляя объ этомъ читателямъ, редакція «В. Сл.» считаетъ долгомъ выразить г. Аксельроду глубокую благодарность за помощь, оказанную имъ своимъ трудомъ газетѣ, при ея основаніи. (Ред.)

ни правъ собственника и гражданина, они привыкли считать злѣйшимъ своимъ врагомъ всякаго чиповника ненавистнаго имъ правительства. Такое положеніе должно было когда нибудь прекратиться. Чудовищное здание уголовно-гражданскихъ законовъ Ирландіи разрушилось мало по малу; разрушеніе его было дѣломъ актовъ 1778, 1782 и 1793 годовъ, увѣличенныхъ Emascipation Act'омъ 1829 г. Не входя здѣсь въ болѣе подробное описаніе стараго ирландскаго законодательства и упомянутыхъ эмасипационныхъ актовъ, скажемъ только, что прежде всего были отменены законы, запрещавшіе ирландцамъ владѣть какою-бы то ни было собственностью. Актъ 1782 г. призналъ за католиками право приобрѣтать землю, владѣть ею на основаніи общихъ законовъ, продавать ее и передавать по наслѣдству. Такимъ образомъ, съ этого времени католики и протестанты сравнялись въ юридическомъ отношеніи, но фактическия послѣдствія завоеванія, т. е. лэндлордизмъ и экономическое порабощеніе фермеровъ, отъ того ни мало не измѣнились.

До 1860 г., эпохи первыхъ реформъ поземельныхъ отношеній, лэндлорды пользовались абсолютно-неограниченными правами на землю. Лэндлордъ могъ назначать, какую угодно, арендную плату и могъ, когда хотѣлъ, прогнать фермера, не вознаграждая его за улучшенія, сдѣланныя имъ въ землѣ, хозяйствѣ, за постройку новыхъ зданій и проч. Законъ ничѣмъ не гарантировалъ несчастнаго фермера отъ произвола и каприза землевладѣльца, и даже когда онъ аккуратно выплачивалъ неопосильную для него аренду, отдавая почти все, что зарабатывалъ тяжелымъ трудомъ, и тогда ему приходилось жить подъ постояннымъ страхомъ, что вотъ завтра отымутъ у него землю и послѣднюю картофелину и останется ему выборъ только между адомъ каторжнаго workhouse'a и эмиграціей. И ирландцы тысячами эмигрировали въ Америку, Австралію и другія далекія страны, но и тамъ, на чужой сторонѣ, всегда умѣли сохранить память объ обездоленной родинѣ и горячую любовь къ ней.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно въ Ульстерѣ (самой богатой изъ всѣхъ провинцій Ирландіи — потому, что въ ней сохранилась нѣкоторая промышленность), это грустное для фермеровъ положеніе вещей значительно смягчалось рядомъ традиціонныхъ обычаевъ такъ называемаго tenant right'a (право на аренду), до такой степени прочно укоренившихся въ населеніи, что съ ними по неволѣ должны были считаться лэндлорды. Сущность tenant right'a можетъ быть резюмирована въ пяти главныхъ пунктахъ:

1. Ни одинъ фермеръ не долженъ быть изгнанъ съ арендуемой имъ земли, если онъ аккуратно платитъ ренту и исполняетъ всѣ свои обязательства.

2. Тѣмъ не менѣе землевладѣлецъ сохраняетъ право увеличивать до извѣстной степени ренту. Онъ можетъ, при помощи умѣренныхъ повышеній арендной платы, получать свою долю барыша отъ увеличе-

нія цѣнности земли; по онъ нарушитъ обычай, если повыситъ ренту до полной стоимости дохода съ фермы (rack-rent), конфискуя этимъ въ свою пользу ту часть прибыли, которая должна приходиться на долю фермера.

3. Когда фермеръ хочетъ оставить свою ферму, потому ли, что соглашеніе между нимъ и землевладѣльцемъ невозможно, потому ли, что онъ не въ состояніи выполнить своихъ обязательствъ, или по какой нибудь другой причинѣ, онъ можетъ продать своему преемнику право на аренду — по простому соглашенію или съ аукціона. Деньги, уплачиваемыя новымъ фермеромъ своему предшественнику, представляютъ тройкаго рода стоимость: 1) сумму, которую старый фермеръ выплатилъ своему предшественнику, когда вступалъ въ пользованіе землей; 2) избытокъ цѣнности, придаваемый землѣ трудомъ покидающаго ее фермера и 3) такъ называемый good-will (добрая воля), т. е. вознагражденіе за согласіе уступить землю.

4. Новый фермеръ можетъ вступить въ пользованіе землей не иначе, какъ по согласію лэндлорда. Но этотъ послѣдній имѣетъ право на veto только при существованіи на то уважительныхъ причинъ, напр., когда представленный ему кандидатъ на фермерство человекъ заведомо безчестный, неспособный и пр. Лэндлордъ, утверждая договоръ, требуетъ уплаты всѣхъ недоимокъ, которыя обыкновенно взимаются съ суммы, платимой новымъ фермеромъ своему предшественнику.

5. Если лэндлордъ пожелаетъ прогнать съ своей земли ничѣмъ не провинившагося фермера, то онъ обязанъ уплатить ему сумму, представляющую собою tenant right.

Мы потому такъ подробно изложили правила tenant right'a, что они до недавняго времени служили лозунгомъ всѣхъ аграрныхъ движеній въ Ирландіи. Tenant right удержался лишь въ немногихъ мѣстностяхъ Ирландіи, да и тутъ, имѣя только силу обычая, а не закона, онъ часто нарушался. Весьма понятно, что фермеры всегда стремились распространить его на всю страну и придать ему санкцію закона. Они требовали, какъ сами выражались, «трехъ F», т. е. fixity of tenure (прочности, долгосрочности аренды, устраненія риска быть ни съ того, ни съ сего прогнанными съ земли), fair rent (умѣренной арендной платы, обезпечивающей за фермеромъ извѣстный доходъ — вмѣсто rack-rent или такой чрезмѣрной ренты, которая поглащаетъ весь заработокъ арендатора) и free sale (узаконеніе продажи своего права на аренду и вознагражденія за сдѣланныя улучшенія по хозяйству). Съ этими-то тремя F, составляющими квинтэссенцію tenant-right'a, и приходилось возиться англійскимъ законодателямъ, и реформы 1860, 1870 и 1881 года представляютъ ничто иное, какъ рядъ постепенныхъ уступокъ требованіямъ фермеровъ, окончившихся полнымъ признаніемъ знаменитыхъ трехъ F, по признаніемъ, которое, какъ мы увидимъ ниже, въ настоящее время оказалось уже недостаточнымъ.

Реформы 1860 г. отличались половинчатостью, никого не удовлетворившею. За лэндлордами было по прежнему оставлено абсолютное право опредѣлять по произволу размѣръ ренты, такъ что главное требованіе фермеровъ — fair rent — не было уважено. Законъ призналъ за фермерами право на вознагражденіе за улучшеніе земли и хозяйства, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда улучшеніе это было сдѣлано съ предварительнаго согласія лэндлорда. Наконецъ, были приняты нѣкоторые второстепенныя мѣры для устраненія разнаго рода препятствій къ заключенію долгосрочныхъ контрактовъ на аренду — мѣры, ни чуть не удовлетворявшія требованію fixity of tenure, такъ какъ лэндлорды, и въ случаяхъ долгосрочнаго контракта, сохраняли право нарушать условія и изгонять фермеровъ во всякое данное время.

Прошло десять лѣтъ — аграрныя волненія не унимались. И вотъ 15 февраля 1870 г. Глэдстонъ внесъ законопроектъ, сдѣлавшійся Land Act'омъ 1870 г. Въ первый разъ вестминстерскій парламентъ согласился издать законъ, ограничивающій права поземельныхъ собственниковъ. Вотиروанный громаднымъ большинствомъ палаты общины, нѣсколько видоизмѣненный палатою лордовъ, билль Глэдстона получилъ королевскую санкцію 1 августа 1870 г. Новый законъ призналъ за фермерами важныя преимущества, изъ которыхъ наиболѣе главныя слѣдующія:

1. Произвольныя изгнанія предотвращались тѣмъ, что лэндлордъ обязанъ былъ выплачивать вознагражденіе невинно пострадавшему фермеру.

2. Фермеръ имѣлъ право на улучшенія, сдѣланныя имъ по хозяйству. Лэндлордъ не могъ болѣе присвоивать ихъ себѣ при изгнаніи фермера, не уплативъ послѣднему ихъ стоимости.

За то лэндлорды опять сохранили право по произволу назначать размѣръ ренты. Слѣдовательно, требованіе fair rent опять не было удовлетворено, и чудовищный монополизмъ поземельной собственности остался въ прежней своей силѣ.

Прошло еще десять лѣтъ, въ продолженіе которыхъ вслѣдъ за собою убѣдился, что Land Act 1870 г. не далъ Ирландіи ни мира, ни матеріальнаго довольства, которыхъ отъ него ожидали англійскіе законодатели. Въ 1880 г. Глэдстонъ принужденъ былъ открыто признать, что Ирландія находится въ состояніи близкомъ къ гражданской войнѣ!

(Продолженіе будетъ).

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ

у Н. GEORG, Genève, Corratierie, 10.

НОВАЯ КНИГА:

НА РОДИНѢ.

№ 1.

Цѣна 2 фр. 50.

Сборъ въ пользу „Краснаго Креста Народной Воли“.

Genève. Imprimerie de la Parole libre, chemin Dancet, 15